

ЖЕНА КНЯЗЯ ЛУНЫ

16+

НАТАЛЬЯ САМСОНОВА

Наталья Самсонова
Жена князя Луны

«Автор»

2019

Самсонова Н. А.

Жена князя Луны / Н. А. Самсонова — «Автор», 2019

Она – травница и слабый маг, он – оборотень, которого дома ждет невеста. Арфель Льефф не любит «клятых необходимых оборотней». Илуор нид Энтан считает, что люди должны почитать его народ. Одна случайная, нежданная и нежеланная ночь запустит колесо судьбы. Одна ночь, полная огня и страсти, изменит жизни людей и оборотней. Но только если Арфель сможет простить. Но только если Илуор сможет ее понять.

© Самсонова Н. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	43
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Наталья Самсонова

Жена князя Луны

Глава 1

Арфель решительно толкнула створку двери и ступила в прохладный полумрак. Не так давно чайный дворик леди Агерт превратился в простую таверну, но сладости по-прежнему оставались в меню. И, за что Арфель и любила это место, здесь по-прежнему собиралась приличная публика. Никак пьяных драк или буйных приставал.

«Ничего себе», – подумала Арфель и еще раз обвела помещение взглядом. В таверне собралось преизрядное количество девиц, их матерей и, местами, их отцов. При этом свободных столиков было около половины.

Передернув плечами, Арфель решительно прошла к своему любимому столику и села. Через мгновение перед ней появилась разносчица. Если Арфель правильно помнила, то молодую девушку звали Дарли. Точно, Дарли, она еще приходила за травами для своего младшего братишки. Кажется, у него была простуда с осложнениями.

– Облепиховый взвар, малиновый мусс с творогом и коричные плюшки, – перечислила Арфель.

– Могла и не говорить, – улыбнулась разносчица, – твой заказ известен заранее. Как Лес?

– Спокоен, – улыбнулась Арфель. – Травы растут, а что еще нужно?

– Муж леди Агерт наохотил оленя, – шепнула Дарли. – А ты же знаешь, в городе та самая дел... легд... ледегация!

– Делегация, – со вздохом поправила Дарли Арфель. – А кто ж не знает-то? Но при чем здесь олень?

– Так свежее мясо. – Разносчица выхватила из-за пояса тряпку и принялась натирать стол. – Хозяин смотрит. Так вот, говорят, что сам Илуор нид Энтан придет сюда! Отведать оленю ногу под брусничным соусом.

– Делать ему нечего, – пренебрежительно фыркнула Арфель. – Ему вот-вот проходить Испытание. Как-никак будущий Великий Вожак, Глава Всех Стай. Отсюда до Серого Дола три верховых дня, а уж на волчьих лапах и за сутки управиться можно. Дома и отведают оленины.

«Или задерет в лесу и сырым пожует», – мысленно добавила Арфель и тут же укорила сама себя: «Нехорошо так о защитниках».

– Ну, может, и правда брешут, зато смотри, сколько людей собралось. – Дарли подмигнула. – Как они трамбовались, как трамбовались! Ты же знаешь, оборотни не любят, когда много столиков занято.

– Дарли! Дыру протрешь! – раздался громоподобный голос хозяина трактира, господина Агерта.

И Арфель в который раз задумалась, как утонченная и добрая леди Агерт умудрилась выйти замуж за господина Агерта. И при этом сохранить за собой право титуловаться.

Пока травница раздумывала, в таверну вошли четверо мужчин. Среди них сильно выделялся очень высокий, жилистый черноволосый человек.

«Слишком худ для оборотня», – подумала Арфель и отвела взгляд, потому что остальные точно были оборотнями. «Они не смогут попросить у меня ночь. Я невинна, и в этом моя защита. По закону стаи», – мысленно сказала себе травница и устремила взгляд на столешницу.

Скрип отодвигаемого стула, и напротив нее садится тот самый человек, что слишком худ для оборотня.

– Позволишь?

Она вскинула глаза и обожглась о янтарный взгляд. Темные волосы с едва заметным красноватым отливом, хищные черты лица и клыки, что он сейчас скалит в улыбке. Небось еще и думает, что выглядит дружелюбно.

«Все-таки оборотень. Отчего же он такой худой?» – Арфель молча смотрела на него и никак не могла найти подходящих слов.

– Да не бойся ты меня, – усмехнулся оборотень. – Я же чувствую, что ты не подходишь под Соглашение. Да и невеста у меня есть, не бойся.

– А?

Он выразительно вздохнул и попытался пояснить:

– Ты выделяешься на фоне прочих. Платье поношенное, явно рабочее. Подол заляпан соком растений, на пальцах тоже есть пятна. И пахнет от тебя Лесом. Значит – травница. Пришла одна, для Соглашения не годишься, значит, пришла просто утолить голод. И я тоже чертовски голоден, мне не нужна постельная грелка – и чем это все не повод поесть вместе?

– А твои друзья?

– Как видишь. – Он указал взглядом куда-то влево.

Арфель украдкой посмотрела туда и увидела, что оборотни расселись по одному и сейчас явно красуются перед собравшимися девицами.

– Нужды восполнить запас энергии нет, – пояснил оборотень. – Но ребята хотят развлечься, так что сегодня все только по желанию человечек.

Арфель покивала и бросила сердитый взгляд в сторону кухни. Ей хотелось получить свой малиновый мусс, сразу попросить счет и уйти отсюда поскорее. Присутствие такого количества волков смущало юную травницу. Во-первых, потому что это были оборотни, те самые! Во-вторых, господи, это же оборотни! Ну и в-третьих, токи силы, исходящие от этого тощего волка, что-то задевали глубоко внутри Арфель. Не так задевали, чтобы пойти на Соглашение, а просто как-то нервно щекотали. Как будто ее магия напоминала: я тут, я есть, меня мало, но я есть. Это ощущение было слишком странным, и Арфель не была уверена, что оно ей нравится.

«И не должно нравиться», – строго сказала себе девушка. Она не может позволить себе никаких любовных интрижек с лохматыми! Слишком хорошо ей, травнице, известно, чем эти любовные истории заканчиваются.

Между тем оборотень явно ждал от нее хоть какого-то ответа. И Арфель, старательно растянув губы, произнесла:

– Ясно. Вы очень проникательны. Прошу, располагайтесь с удобством. Если вы здесь еще не были, то советую попробовать малиновый мусс с творогом.

– Я, милая, как бы по мясу, – расхохотался оборотень. – Ну-ну, не обижайся. Сейчас съем огромный кусок оленины и обязательно попробую твой мусс.

– Он не мой, – сдержанно ответила она и обратилась к подошедшей Дарли: – Спасибо и счет.

Дарли сочувственно улыбнулась и сноровисто расставила заказ.

– На меня запиши, – тут же бросил оборотень, – а ты посиди подольше. Прошу. Твой хозяин обещал мне лучшую оленину во всем Ондиниуме. И кувшин морса. Все на счет нид Энтан.

– Как прикажете, милорд. – Дарли присела в реверансе.

Малиновый мусс потерял всякую привлекательность. Арфель уныло ковыряла ложечкой свой десерт и спрашивала сама себя: с чего вдруг ей приспичило идти в таверну? Могла ведь и дома блинов напечь или даже пироги поставить! Чай не безрукая! А сейчас сиди и жди, пока лохматому надоест ее компания. И, судя по всему, этот тощий волк – приближенный самого Илуора нид Энтана. Близкий друг или брат? В общем, тот, кто весьма вольно распоряжается его счетом.

«Уйти бы», – тоскливо подумала Арфель и чуть поморщилась: магия внутри зазвенела особенно тоскливо. Увы, оборотням не отказывали нигде – ни в человеческой Империи, ни в Сером Доле. Хотя, наверное, в Доле все было иначе, там-то только оборотни живут. И их редкие человеческие любовницы, кшэртрий.

У такой вседозволенности была достойная причина: только оборотни стояли между царством Людей и царством Тьмы. Демоны прорывались сквозь все магические заслоны и преграды, и людям, чтобы выжить, пришлось принять «темных оборотливых тварей». Принять не как равных, а как высших. Все это вылилось в пресловутое Соглашение и кшэртрий. Увы, от постельного интереса девушек могла защитить только невинность. Ну и, конечно же, супруг, буде он рискнет выйти на поединок против оборотня. На памяти Арфель таких мужчин не находилось. А вот те, что после Соглашения избивали своих жен, – каждый второй. Интересно, хоть кто-то из оборотней задумывался о том, что после их игрищ происходит с женщинами? Полукровок-то они собирают по всей Империи, а вот их матери... Никому не интересна жизнь использованной и выброшенной женщины.

– Ты как маленькая, но очень сердитая тучка, – рассмеялся оборотень. – Хочешь, подарю тебе золотой подвес?

Арфель аж поперхнулась и тут же замахала руками:

– Ни в коем случае! Ничего мне не нужно! Спасибо, спасибо, у меня все есть. Очень благодарна, да. За великую честь.

Оборотень выглядел одновременно ошеломленным и обиженным.

– Это не Соглашение, это просто так. Ты какая-то милая, уютная, – он пожал плечами, – домашняя.

– Вы тоже очень... – Арфель попыталась подобрать хоть какой-нибудь эпитет и в итоге произнесла: – Очень впечатляете. Но мне правда ничего не нужно. Я не ношу золото.

– Вижу, – кивнул оборотень. – Хорошо. Ты можешь обращаться ко мне просто по имени и без ваших человеческих официальностей. Илуор.

– Аф, – пискнула Арфель. – А-арфель Льефф, травница, одаренная.

– Аристократка? – удивился оборотень.

– Нет, что вы... что ты. Просто травница. – Она смешно наморщила нос и доверительно добавила: – Мой папа просто сделал меня маме и уехал. Потом моя сила оказалась слишком слабой, и приехавшие родственники даже не стали афишировать свою фамилию.

– Бесчестно.

«Не оборотню судить», – хотела сказать Арфель, но вместо этого сдержанно произнесла:

– Они купили для нас с матерью дом, оплатили мое обучение в Школе Низшего Искусства, а также наняли учителей по Общим Наукам. Все бы так бесчестно поступали.

– И где твоя мать сейчас?

– Ее не стало прошлой зимой, – сухо произнесла Арфель.

– Прости, – без капли раскаяния произнес Илуор. Наконец оборотню принесли оленину, и тот отвлекся на нее. Арфель не без содрогания наблюдала за тем, как ловко Илуор расправляется с розоватым мясом. И как при таких аппетитах он такой худой?

– Ранен был, – хмыкнул оборотень. – Все силы бросил на заживление раны. Месяц-другой, и мясо обратно нарастет.

– Прости, – смутилась Арфель.

Но она была уверена, что ни слова не сказала вслух! Неужели он телепат?! Но это чисто человеческая способность... Что за странный оборотень!

«А Лунные князья, говорят, обычными и не бывают. И живут дольше обычных оборотней и решения принимают весьма и весьма не характерные для волков. Как будто предвидением обладают: все странные поступки в последующем оборачиваются полезными приобретениями», – припомнила Арфель и доела последнюю ложечку мусса.

– За что ты любишь этот город? – неожиданно спросил оборотень.

– Что?

– Почему ты остаешься здесь? В Империи есть более приятные места, где хорошая травница ценится на вес золота.

– А разве я говорила, что я хорошая травница? – удивилась Арфель. – Я родилась и выросла здесь.

«А еще я не могу продать дом», – добавила она мысленно.

– Я узнал твой запах, – хмыкнул оборотень. – Именно он был на тех травах, что использовал целитель.

– Мастер Дэррик? – улыбнулась Арфель. – Самый лучший целитель в городе.

– Нет, это был мастер Эррол, – нахмурился оборотень. – Разве не он лучший в городе?

Арфель замялась:

– Понимаете... Понимаешь, он тоже хорошо лечит. Но уступает мастеру Дэррику. Но при этом мастера Дэррика не зовут врачевать благородных, ведь он лечит абсолютно всех. Что оскорбляет наших лордов и леди. Ведь где это видано, чтобы утром он трогал нищего бродягу, а вечером касался лилейной кожи знатной дамы. Вот поэтому мастер Дэррик лучший целитель в городе, но зовут его не ко всем. Но вы не подумайте, мастер Эррол тоже не дурак.

– Ты, – коротко произнес оборотень.

– Я? – растерялась Арфель.

– «Ты не подумай, мастер Эррол тоже не дурак», – процитировал Илуор.

– А. Да. Да, простите. Прости. Так вот, мастер Эррол очень трезво оценивает свои силы и, если он взялся вас лечить, значит, был уверен, что справится. Ему не нужны лишние смерти в послужном списке.

Оборотень кивнул и отодвинул от себя опустевшее блюдо. Подскочившей Дарли он небрежно бросил:

– Принеси мне такой же мусс, как был у Арфель. Ты что-нибудь будешь?

– Я сыта, – поспешно ответила Арфель.

– Что она обычно берет? – прямо спросил оборотень у Дарли. Та чуть поежилась и нехотя ответила:

– В хорошие дни госпожа Льефф позволяет себе чашку горячего шоколада со сливками.

– В хорошие дни? – удивился оборотень.

И Дарли упавшим голосом сказала:

– Он очень дорогой. Дороже него только кофе и гранатовое вино.

– Значит, чашку шоколада для госпожи Льефф, – подытожил оборотень.

Она бы хотела отказаться, но на языке появился фантомный привкус сладкого, превосходного напитка, и Арфель, опустив голову, тихо-тихо сказала:

– Спасибо.

– Не за что, – небрежно бросил оборотень. – Что в вашем городке есть интересного?

– Я бы советовала вам посетить театр, – робко улыбнулась Арфель. – Там сейчас дают замечательную пьесу – Леди Цветов и Ветра. А еще можно зайти в городскую оранжерею, там сейчас зацвели колдовские гибриды – удивительное зрелище. Да и городская библиотека известна далеко за пределами Ондиниума.

Госпожа Льефф действительно любила свой родной город. Да, раскинувшийся вокруг Лес не очень-то любил людей. Да, чтобы собирать травы, ей приходилось неделями спать под открытым небом: слишком далеко ее дом от мало-мальски приличной лесной опушки. Но спрос на травы оставался неизменно высок. Да и в одной из приключенческих книг она вычитала интересный способ ночевки в лесу – на толстой ветке, привязав себя к стволу. Это куда безопаснее, чем дрожать под плащом в густых кустах.

Заказ перед Арфель ставила не Дарли, а хозяин таверны.

– Как вы нашли окорок? – любезно осведомился он.

– Нашел? – удивился оборотень, но, видимо, быстро понял, что имеет в виду господин Агерт. – Превосходная степень прожарки. Впрочем, неудивительно: Ондиниум на границе с Серым Долом, так что волей-неволей вы перехватываете наши повадки.

Господин Агерт подобострастно захихикал и потер руки.

– Может, чего-нибудь еще? Земляника с кремом для вашей согласенной?

У Арфель потемнело в глазах. Конечно, она так и знала, теперь весь город будет обсуждать, как низко пала травница. И гадать, с кем она потеряла невинность. И сын господина Трента теперь точно задерет ей подол где-нибудь в подворотне, и никакая магия ей не поможет...

– Госпожа Арфель не согласенная, – звучно, четко произнес Илуор. – Арфель Льефф не подходит для Соглашения, поскольку хранит себя в чистоте.

Она спрятала лицо в ладонях и глухо застонала. Надо было вскакивать и бежать. В конце концов, не стал бы оборотень силой водворять ее обратно за стол.

Наверное, если когда-нибудь ей придет в голову обернуться назад и попытаться понять, в какой момент ее жизнь пошла как-то не так, она без колебаний укажет именно на сегодняшний день. Что ей стоило испечь коричневых плюшек дома? И выгодней, и вкусней. Эх.

Глава 2

Одеяло было слишком жарким, подушка слишком жесткой, а простыня и вовсе будто возненавидела Арфель – перекрутилась и обнажила матрас. В итоге госпожа Льефф коротко, но прочувствованно выругалась и встала. Раз уж у нее не выходит уснуть, значит, следует заняться чем-нибудь полезным. Например, заложить травяную основу для отвара «крепкого здоровья». Конечно, сейчас середина лета и до осени далеко. Но, с другой стороны, сейчас середина лета и до осени рукой подать, а там потянутся мамочки с простуженными детьми, старики с недомоганиями и работяги, что так и не научились беречься от холодных осенних ливней.

Простенький душ порадовал Арфель чуть теплой водой с меловым привкусом. Что ж, спасибо и на том. Растеревшись полотенцем, она надела свежее платье и спустилась на первый этаж.

«Конечно, это не одеяло с подушкой виноваты, – думала она и старательно отмеряла травы. – Клятые оборотни. Клятые необходимые оборотни».

Милорд нид Энтан так и не позволил ей спокойно уйти домой. После обеда оборотень потащил ее смотреть ту самую пьесу, о которой она ему рассказала. После они прошлись по торговым рядам и Арфель с трудом удалось отбиться от подарков, которыми Илуор так и норовил ее осыпать.

Прошедший день встал перед глазами Арфель так ясно, будто она вернулась на пару часов в прошлое:

«– Да прекрати же! – рассердилась она и притопнула ногой. – Не нужно мне ничего!

– Я же от души, – нахмурился оборотень. – Хочу, чтобы у тебя память обо мне добрая осталась.

– Она и так останется, – скривила губы госпожа Льефф. – Вот уж чего-чего, а тебя мне еще не раз припомнят.

Он серьезно посмотрел ей в глаза и спросил:

– А это так плохо – провести день со мной?

– Учитывая, сколько женщин хотели этого для своих дочерей – это практически преступно, – усмехнулась Арфель. – Я не хочу обсуждать Соглашение, Илуор.

– Его бессмысленно обсуждать, – пожал плечами оборотень.

И Арфель согласно кивнула. Действительно, бессмысленно. Оборотни отрываются на людях за века гонений. Вот только войну с двупостасными придумали мужчины, а страдают в итоге женщины. Она, Арфель Льефф, никогда не выйдет замуж. Просто потому что все, что защищает ее от Соглашения, – невинность. Страшно представить, как она выйдет за любимого, а спустя пару месяцев будет вынуждена лечь под двупостасного. А самое гадкое в этом всем одно: человеческая женщина не имеет права первой подать на развод. Только мужчина может оставить свою супругу.

– Ты думаешь о чем-то плохом, – заметил Илуор.

Пожав плечами, Арфель прохладно заметила:

– Это не плохое, это – существующее.

– Соглашение, – задумчиво кивнул оборотень. – Мы умираем, чтобы демоны не прошли в Империю. А тебе жаль нескольких крох энергии?

И госпожа Льефф поняла, что промолчать не сможет. Что-то темное, злое, нетерпимое поднялось из глубины ее души.

– Мне жаль тех несчастных женщин, что втайне от мужей бегают ко мне за обезболивающими травами. Мне жаль тех, кто был использован походя, тех, кому их же супруги не простили ночи с оборотнем.

– О чем ты? – нахмурился оборотень, и Арфель невесело рассмеялась:

– В понимании мужчин, если его супругу принудили исполнить долг, значит, она сама виновата. Значит, она как-то особенно крутилась рядом с отрядом. Значит, сама захотела. А значит, она кто? Шл... Продажная женщина. Таковую можно избивать, можно делать с ней что душевнее угодно, ведь она никуда не денется. Не вы ли, оборотни, продавили закон, не дающий женщине покинуть своего мужа?

Илуор смотрел на нее молча, не мигая. Его янтарно-желтые глаза будто что-то искали, искали и не находили.

– Ты не лжешь, – медленно произнес оборотень. – Но ты заблуждаешься.

– Конечно, – горько усмехнулась Арфель. – Конечно.

– Почему ты не замужем? – неожиданно спросил оборотень. – Тебе не меньше двадцати, верно?

– Потому что я не готова делить постель и с мужем, и со случайным оборотнем, – жестко произнесла Арфель. – Я не готова прятать синяки, как леди Агерт. Я не готова терпеть насилие, как госпожа Сандер. Я не хочу обслуживать в постели дружков озверевшего мужа, как уже покойная госпожа Тиннер. Я хочу покинуть вас, милорд нид Энтан.

– Иди, – коротко произнес он.

Она резко развернулась и чеканным шагом направилась к выходу с торговой площади. Она не заметила, что за ней последовал невысокий худой парень. Ох, Арфель была в такой ярости, что не заметила бы и огромного волка, не то что обычного человека!

Но уже у самого своего дома ей пришлось заметить его – преследователь преградил ей путь.

– И сколько ты берешь за ночь, сладенькая? – грязно ухмыльнулся Трент-младший.

– Я не продаю себя, – жестко произнесла Арфель. – Пойди прочь, или я пожалуюсь на тебя в магистрат.

– И чем же это я хуже оборотня? – развязно спросил он. – Уж поверь, тебе понравится. Будешь повизгивать и просить добавки.

Внезапно он резко изменился в лице, побелел и бросился бежать. Арфель только оторопело посмотрела ему вслед. Затем резко обернулась и сложила на груди руки:

– Оборотни не слышат вежливых просьб?

– Я всего лишь хотел убедиться, что ты дойдешь до дома, – раздраженно ответил Илуор. – Кто это?

– Старший сын господина Трента, – скривилась Арфель. – Редкая жестокая бестолочь. Ни к чему не приспособлен, кроме вина и девок. Сватался ко мне.

Оборотень медленно кивнул, затем поклонился:

– Так, может, это не вина оборотней? Может, те недостойные мужчины нашли бы иную причину, чтобы изводить своих жен?

– Вас ждет невеста, – задумчиво произнесла Арфель, – с кем вы готовы ее поделить?

В глазах оборотня загорелось пламя.

– Не смей, – прорычал он. – Волчица из достойной семьи не позволит запятнать себя случкой с несколькими самцами!

– То-то и оно, – кивнула Арфель, – то-то и оно. Всего вам доброго, милорд нид Энтан. Всего самого наилучшего.

Она вошла в дом, а оборотень остался стоять снаружи. Он к чему-то шумно принюхивался, сжимал и разжимал кулаки. А ей оставалось только глотать слезы. В груди ужасно пекло, как будто кто-то щедро сыпанул горячего песка. И обида, исполинская, огромная обида расцветала в душе, заполняя собой все».

Из воспоминаний Арфель выдернул громкий стук. Кто-то ломился в дверь.

– Открывай, травница, – с рыком разнеслось по первому этажу. – Клянусь Луной, я вышибу эту сдребтову дверь! Ты обязана оказать помощь, женщина.

«Почему я не приняла снотворные капли?» – спросила сама у себя травница и направилась к двери. Потому что да, обязана. Не только из-за Соглашения, но и из-за собственных взглядов на жизнь. Нельзя отказать страждущему в помощи, даже если это клятый оборотень. Клятый необходимый оборотень.

– Хватай травы и поедешь со мной. – На пороге стоял один из тех мужчин, что сопровождали Илуора. – У него воспалилась рана, боюсь, до Серого Дола не доведем.

Она коротко кивнула и метнулась к полкам, что заполонили собой стены первого этажа. В простую, но крепкую и вместительную сумку легло несколько склянок с обеззараживающим раствором, свежие бинты и еще с десятков необходимых флаконов. Перекинув сумку через плечо, она схватила плащ с глубоким капюшоном – не хватало еще потом оправдываться, что и где она делала глубокой ночью.

– Готова, – выдохнула Арфель и поймала странный взгляд своего ночного гостя. Он как будто чувствовал себя виноватым. Хотя, может, так оно и было? Все-таки разбудил среди ночи.

Этот странный взгляд не давал ей покоя, но обдумывать это все не было времени. Запрыгнув в карету, она крепче вцепилась в сумку – кони несли с ужасающей скоростью.

– Мы заняли верхние комнаты в таверне «Белый Гусь», – коротко произнес оборотень.

– Хорошее место, – согласилась Арфель.

Выходя из кареты, она накинута на голову капюшон.

Вихрем взлетев по ступеням, Арфель замерла перед темным залом. Странно, разве оборотни не должны в ужасе метаться по залу, кипятить воду и делать что-нибудь еще, столь же бессмысленное и энергозатратное?

– Я всех разогнал, – буркнул ее проводник. – Иди за мной.

На лестнице, как и на всем втором этаже, царил абсолютная тьма.

– У него светобоязнь, – бросил оборотень.

– Светобоязнь? – переспросила Арфель.

– Какая же ты травница, если не знаешь этого?

– Травница – не целитель, – возмутилась госпожа Льефф. – Редкая трава не переносит свет!

– Вот и считай, что тебя ждет редкая трава, – буркнул оборотень и потянул на себя дверь. – Милорд?

Ответом ему был полный муки стон. Но, что самое странное, внутри комнаты свет был. Слабый, красноватый, как будто исходящий от какого-то артефакта.

– Мне потребуется угол, где будет яркий свет, – серьезно произнесла Арфель. – В такой тьме я могу перепутать снадобья или не заметить чего-либо. За целителем уже послали?

– Должен быть с минуты на минуту, – пробасил оборотень. – Угол организуем. Ты пока дай ему обезболивающее.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Организм оборотня слабые человеческие снадобья переваривает очень быстро. Так что твой отвар сможет облегчить ему ожидание целителя, но при этом не помешает диагностике.

Арфель кивнула, она и раньше слышала, что оборотни очень редко болеют и что людские зелья на них почти не действуют. Ее сомнения разрешил еще один стон. Она прищурилась и решительно шагнула вперед.

«Надо же, тут довольно прохладно». Она поежилась и решила не снимать плащ.

Вытащив флакон с обезболивающим, она оставила сумку у двери, слева. Очертания мебели угадывались слишком слабо, и Арфель не хотела случайно испортить какую-нибудь важную вещь. Мало ли что? С оборотнями следует держать ухо востро.

Илуор находился практически без сознания. Запах крови пропитал комнату, но на теле она ран не заметила. Зато запястья, за которые волк был привязан к изголовью кровати, были стерты практически до мяса.

– Как бесчеловечно, – выдохнула Арфель и начала по капле вливать обратно уменьшающий боль отвар. – Куда же ты рвался? Не вижу ни единой раны. Хэй, как вас зовут? Вы сказали, что...

Ее перебил звук плотно закрывшейся двери.

– Что за шутки? – нахмурилась Арфель и тут же сама себя хлопнула по лбу. Ну конечно, проводник же сказал, что сделает ярко освещенный рабочий уголок. Который, скорее всего, понадобится и целителю. Интересно, кого приведут?

– Ар-р-р-фель, – раскатисто выдохнул Илуор. – Пришла.

– Можно подумать, у меня был выбор, – вздохнула травница и откинула со лба оборотня черно-рыжеватую прядку. – Что с вами успело произойти?

– Пришла, – выдохнул он и закрыл глаза.

– Да пришла я, пришла, – проворчала госпожа Льефф и встала. Оборотень недовольно заворчал, на что она, закатив глаза, ответила: – Плащ снимаю. Жарко очень.

Комната стремительно наполнялась жаром. Для чего бы ни предназначался этот странный артефакт, он раскалился слишком сильно. Арфель на мгновение показалось, что в воздухе разлился подозрительно знакомый сладковатый аромат. Но наваждение исчезло так же быстро, как и появилось.

– Ох, дышать совершенно нечем. – Она сбросила плащ на свою сумку и вернулась к постели оборотня.

Сердце Арфель билось так быстро и с такой силой, будто глупый орган собрался проломить грудную клетку и поприветствовать мир. Госпожа Льефф была категорически с этим не согласна и прижала к груди руку, чтобы предотвратить эту глупость.

– Илуор, – позвала она, – Милорд нид Энтан, где ваша рана?

– Рана? – не открывая глаз, переспросил оборотень. – Моя рана... Была на груди.

Арфель присмотрелась к обнаженной груди оборотня. На рану там намекала только узкая белая полоса. Длинная, да. Вне всяких сомнений, это была очень опасная рана. Вот только к настоящему моменту она уже зажила. Абсолютно точно зажила.

Чтобы убедиться, Арфель протянула руку и коснулась кончиками пальцев горячей кожи оборотня. Тот глухо рыкнул, и она отдернула руку.

– На твоём теле нет волос, – задумчиво произнесла Арфель и испуганно прижала руки ко рту. Что с ней?! Какое ей дело до гладкого тела Илуора?

– Потому что на другом моём теле более чем достаточно волос. Шерсти. – Он открыл глаза, и она поразилась, каким темным, голодным был его взгляд. Взгляд, из которого пропала вся болезненная муть.

– Как зовут твоего помощника? – выдохнула Арфель и попятилась к двери. – Кажется, он солгал мне.

Илуор отрастил когти и ловко перерезал веревки. Одним длинным, гибким движением оборотень подхватился на ноги. Мгновение, и он уже стоит напротив Арфель.

– Почему ты раньше так не сделал? – Она прижалась спиной к двери. – Для чего это представление?

– Тебя не было. Веревки заговоренные, без должного желания их не оборвать, – шепнул он и улыбнулся. – Ар-р-р-фель. Твое имя будто создано для меня. Р-р-фель Льефф.

Она нервно облизнула пересохшие губы и положила обе ладони на грудь оборотня. Все это – недоразумение, сейчас он вспомнит про Соглашение и про то, что травница для него не подходит. Это серьёзный проступок – принудить к согласию девственницу. Он не рискнет.

– Ты боишься меня? – шепнул он и накрыл ее руки своими. – Не нужно.

– Это недопустимо, – выдохнула она и поняла, что его дыхание оседает на ее губах. – Невозможно.

Она не хочет этого. Совершенно точно не хочет. Не может позволить себе желать этого!

Отчего же ее тело так жадно льнет к его рукам? Отчего она сама подставляет ему губы? Отчего она вжимается в него, гладит по плечам и рукам, притискивается ближе и ближе?

– Что происходит? – на выдохе простионала она. – Что происходит, Илуор?

– Просто ты и я, – выдохнул он и прижался губами к ее шее. – Мужчина и женщина.

Ничего лишнего.

Было так легко раствориться в его объятиях. Так легко раствориться в ласках, которые он щедро дарил ее телу. На краю сознания трепетала какая-то мысль, какое-то неоформленное воспоминание. Но с каждым мгновением Арфель теряла разум, теряла саму способность думать. По ее телу разлился пожар, и только оборотень мог покорить это бушующее пламя!

– Ар-р-рфель... моя.

Она проснулась на рассвете. В чужой комнате, в чужой одежде. Со страшной головной болью, отвратительным привкусом во рту и неприятным ощущением в промежности. Арфель села на постели, прижала пальцы к вискам и попросила свою магию утишить боль. И тут же повалилась обратно в подушки – картины прошедшей ночи встали перед ее мысленным взором во всем непотребном великолепии.

– Господи, – шепнула она. – Почему? Как я могла...

– Ты ничего не могла сделать, – жесткий голос заставил Арфель подпрыгнуть на постели.

Прямо перед ней сидел тот оборотень, что обманом привел ее к обезумевшему нид Энтану.

– Зачем?! – Она подалась вперед. – За что? Вы собираетесь убить меня? Вы мерзавец!

Он только усмехнулся и спокойно ответил:

– Я? Это ты своими чарами свела моего лорда с ума. В Сером доле нид Энтана ждет невеста, волчица из достойной семьи. И я не позволю Илуору подвинуться рассудком и порушить свое будущее. Да и не можешь ты быть его избранницей, обычная человеческая самка. Не слишком красивая, не пахнущая ничем, кроме своих сухостоев. Нид Энтан ослаб после ранения, и твоя слабая магия вызвала его гон. Любая одаренная привлекла бы его внимание, не лести себе. К сожалению, и моему, и твоему, Илуор не захотел брать себе согласенную. Вышло то, что вышло.

– Я буду жаловаться, – жестко произнесла Арфель. – Он не имел права брать меня.

– Будешь жаловаться? – безмянный оборотень широко улыбнулся и продемонстрировал левый ломаный клык. – А что, если я выйду и тебя согласят мои бойцы? Они-то не знают, что ты вся из себя пострадавшая. Орала как весенняя кошка.

Арфель замерла. Она боялась даже вздохнуть лишний раз. Когда ее жизнь успела превратиться в этот кошмар? Или правду говорили священники прошлого и оборотни, как и демоны, суть создания преисподней? И дорога им одна – на костер, чтобы даже души их были развеяны по ветру.

– Вот мое единственное предложение, – процедил оборотень. – Я сотру тебе память, вложу новые воспоминания – ты спасла нид Энтана, получила кошель золота и вернулась к себе. А чтобы никто из оборотней, что в будущем проедут через твой город, не захотел тебя в постель...

Он вытащил из-за пазухи медальон.

– Знак того, что ты под защитой нид Энтана. Настроен на тебя – он решил облагодетельствовать тебя. До того, как впал в любовную горячку.

– Денег не надо, – с ненавистью выдохнула Арфель. – Когда-нибудь я вспомню. Когда-нибудь я отойду в сторону, когда вам потребуется моя помощь. Потому что у меня есть на это право. Потому что любой артефакт это подтвердит. Сколько бы ни прошло времени. Я всегда смогу доказать свою правоту.

– И ты даже не спросишь, каким образом я тебя обманул? – усмехнулся оборотень. – Даже не спросишь, будет ли Илуор помнить о тебе?

– Мне все равно, – спокойно ответила Арфель. – Единственное, чего я хочу, – свободы от оборотней. И покоя. Больше мне ничего не нужно.

Она вытерпела короткое прикосновение к своим вискам и ожидающе посмотрела на оборотня.

– В тебе есть что-то странное, – настороженно произнес он. – Что-то очень странное.

– Во мне сейчас только ненависть, – сухо сказала Арфель. – И обида.

– Переодевайся, у тебя пять минут. Затем короткая потеря сознания – и привет новым воспоминаниям.

Не устаивая оборотня и взглядом, она выскользнула из постели, скинула чужую одежду и быстро надела свое платье. Белье и чулки наделись на нее сами собой – раньше ей бы и в голову не пришло использовать магию для такой глупости. Но сейчас это казалось единственно возможным способом. Поправив волосы, она почувствовала, как по телу разливается странная истома.

– Голова должна кружиться? – нахмурилась она и чуть не рухнула на пол.

Ее подхватил под руку оборотень и широко улыбнулся:

– Как себя чувствует наша спасительница?

Арфель застыла, пытаясь понять, что вообще происходит. Что... Ах, точно. Эти лохматые недоумки споили своему драгоценному нид Энтану сразу три эликсира. И все бы ничего, да только эти снадобья между собой совершенно не сочетались. Когда целитель оказался бессилен – послали за травницей. Ох и намучилась же она с ним!

– Я могу написать вам, что и с чем не стоит употреблять, – со вздохом предложила Арфель и потеряла виски. – Как же голова болит.

– Ох, не стоит. Ты слишком устала, всю ночь не отходила от постели нашего будущего князя. Деньги передаст мой помощник.

– Не надо денег, – взъярилась Арфель и тут же спокойней добавила: – Не нужно. Я...

«Почему? – спросила она сама себя. – Это нормально, они выдернули меня среди ночи и...»

– Просто не нужно, – сказала она в итоге и пошла к выходу. Внутри клокотал странный коктейль. И злость, и обида, и даже ненависть.

«Успокойся, можно подумать, тебя люди никогда из дома по ночам не срывали, – строго высказала себе Арфель. – Оборотни – необходимое зло. Но тебя они тронуть не могут. Не могут».

– Возьми, это защитит тебя от притязаний на Соглашение, – так и не назвавший свое имя проводник протянул ей кулон, – если решишь выйти замуж.

Сжав прохладную цепочку, Арфель на негнущихся ногах вышла из таверны. Амулет она выбросила в ближайшую урну. Ей отчего-то была омерзительна сама мысль о том, чтобы иметь при себе что-то оборотническое.

Глава 3

Арфель проснулась в слезах. В пятый раз за прошедшую неделю.

– Это начинает пугать, – проворчала травница и встала с постели.

Неделю назад оборотни выгнали ее среди ночи из дома. И с тех пор все пошло как-то наперекосяк. Нет, она взрослый здравомыслящий человек и понимает, что сама делегация тут ни при чем. Все просто совпало. Может быть, ее источник силы решил развиваться до полноценного колдовского очага? В любом случае ночью ей снились какие-то неоформленно-тоскливые сны, а днем вокруг творились чудеса. То тщательно высушенная трава наполнится соками, то березовое полено выпустит клейкие листочки. Дичь, в общем, творилась.

Зато откуда ни возьмись взялся трудовой энтузиазм. Последний год Арфель думала о том, чтобы превратить первый этаж своего дома в лавку-хранилище. И даже начала перестановку. Но как-то руки не доходили разложить засушенные ценности по полкам. А тут за неделю справилась! Из-за чего госпожа Льефф испытывала вполне заслуженную гордость.

Умывшись и переодевшись, она спустилась вниз. На ходу заплела золотисто-лунные волосы в тугую косу и приготовилась к очередному приятно-скучному дню. На самом деле Арфель любила, когда все идет своим чередом. И когда всё-всё происходит именно так, как она задумала. По мнению Каэль, лучшей подруги госпожи Льефф, это было ужасно скучно. И однажды, сидя в беседке за домом Арфель, подруги и вывели этот термин: «приятная скука».

На сегодня у госпожи Льефф были большие планы: разлить по маленьким флаконам успокоительный настой, смешать с ириновым маслом травяную смесь номер восемь, ту самую, что убирает боль из натруженных мышц. В общем, дел у травницы было невпроворот.

Шум за дверью заставил Арфель вздрогнуть и поморщиться. Только бы не страждущие! Нет, она в целом прекрасно относится ко всякого рода больным людям и нелюдям. Вот только ей нужно еще буквально пять минуточек! Всего пять минуточек, и она будет готова одарить любого исцеляющим настоем или добрым словом. Или недобрым – тут по ситуации.

«Хорошо, что у меня куплена охранный сеть», – удовлетворенно подумала Арфель, когда шум у двери стих.

– Та-дам!

«Перед Каэль Хемм не могут устоять ни люди, ни оборотни, ни охранные системы, – в очередной раз отметила Арфель и со вздохом отошла от стола. – Но вот деньги с продавца охранки надо стянуть. Он клялся, что никто не пройдет!»

– Когда ты приехала? – Арфель с удовольствием обняла подругу и потянула ее к лестнице на второй этаж. – Не подходи к моим травам, они плохо на тебя реагируют.

Та в ответ только фыркнула и тряхнула короткой рыжей гривой:

– Твои травы на всех плохо реагируют! Жаль, что ты все же превратила свой уютный дом в подобие лавки. Никакого уединения!

Арфель рассмеялась и покачала головой:

– А для чего второй этаж? Рассказывай, чем живет и дышит столица и почему ты там не осталась.

– Слишком много оборотней – это к вопросу, почему я там не осталась. – Каэль поморщилась. – На улицу не выйти, чтобы на Соглашение не напороться. Моя личная жизнь никогда не была такой бурной. Я уже с полсотни раз пожалела, что вышла замуж. Ты все-таки на порядок умнее меня.

– Ох, моя хорошая, очень тебе сочувствую. – Арфель погладила подругу по плечу. – Мимо нас проезжала делегация нид Энтана.

Подруги быстро поднялись наверх и вошли в небольшую комнатку. Именно здесь Арфель засиживалась с книгами до утра и здесь же создавала отчеты для имперской налоговой службы. И здесь же принимала самых близких друзей. Которых у нее было до обидного мало.

Обстановка комнаты была разномастной: вытертый ковер на полу, низкая красная софа, чья обивка умоляла о снисхождении и реинкарнации, овальный кофейный столик и два кресла с опиленными ножками. Ножки были опилены, чтобы вся мебель была примерно одной высоты. Остальное пространство занимали книги. Они стояли в шкафах, лежали на высокой узкой этажерке и даже, о ужас, стояли стопками на полу.

– Твоя коллекция растет, – уважительно произнесла Каэль и шелкнула пальцами, – два ящика жасминового вина – великая удача!

На кофейном столике материализовались два запыленных ящика, и Арфель рассмеялась:

– Рановато для вина. Если ты устала с дороги, то можешь отдохнуть. Или мы можем пойти пообедать.

– А вино будем пить как порядочные – когда стемнеет? – вскинула брови Каэль. – Ты такая прогнозируемая!

– Но мы можем выпить по бокалу, – улыбнулась Арфель. – Просто попробовать. Ведь иначе ты будешь ныть до самого вечера. Что тоже легко спрогнозировать!

На самом деле Арфель не особенно любила вино, особенно модное и заковыристое. Случалось так, что ей приходилось из вежливости хвалить преотвратный кислый привкус, лишь бы не расстроить счастливую подругу. Очень уж Каэль была падка на дорогие и переоцененные вещи.

Пока госпожа Льефф думала, куда пристроить эти ящики с вином, Каэль уже залезла в шкаф и нашла бокалы.

– Оп, мои любимые. Не буду делать вид, что я в гостях. – Госпожа Хемм ловко открыла бутылку и разлила по бокалам золотисто-розовое вино. – Ну, за нас!

Пригубив вино, госпожа Льефф чуть поморщилась:

– Какая гадость. Кажется, это очень-очень модное вино.

– И вот когда ты в следующий раз спросишь, кто учил меня так реагировать на подарки, – Каэль выразительно закатила глаза, – вспомни себя. Тебе долить?

– Нет, невкусно, – Арфель наморщила нос, – а я не люблю, когда невкусно. Каэль выразительно закатила глаза и фыркнула:

– Ты слишком потекаешь своим вкусовым рецепторам. – И тут же, без перехода: – Я останусь у тебя?

– Конечно, – спокойно ответила Арфель. – Софа полностью в твоём распоряжении. Что-то случилось?

Каэль допила свое вино и со смешком поделилась:

– Муженек появился. Вспомнил вдруг, что не дал мне развод.

– Ох, – сочувственно вздохнула госпожа Льефф. – Он жив? Просто не то чтобы я ему сильно сострадала, он типичная нелюдь, но закон... Сама понимаешь, жене мужа убивать нельзя.

– Нелюдь? – хмыкнула Каэль. – А мне все больше нравится твоя классификация. Да нет, не убила. Но немного перестаралась с проклятьем. Мне просто на мгновение стало страшно. Что было бы, если бы он был сильнее? Если бы, как маг, он знал и умел больше, чем я?

Вместо ответа Арфель схватила за свой пустой бокал. Она многое могла бы сказать, но ведь Каэль не хуже нее об этом знала. Госпоже Хемм повезло, ее супруг был слабосилком, и когда он впервые поднял руку на свою супругу... Что ж, та рука до сих пор плохо ему служит.

– Иногда я думаю, – тихо-тихо произнесла Арфель, – а так ли плоха демонская экспансия?

Каэль замахала руками:

– Ты что! Очень плоха, ужасна! Как женщина, которая уже не раз испытала на себе все прелести Соглашения, – я согласная. Просто... Ондиниум – тихий город на границе с Серым Долом, здесь никогда не было ни одной адовой твари. А в столице... Я видела людей, до которых просто дотронулись эти порождения ада...

Госпожа Хемм мрачно посмотрела на ящик с вином и, здраво предположив, что подруга не даст открыть еще одну бутылку, тяжело вздохнула:

– В общем, я не так против Соглашения, как против отсутствия возможности подать на развод. Увы, оборотни слишком зависимы от магии, и без нашей энергии они рискуют оказаться запертыми во втором облике до конца жизни.

– Но неужели наши маги не могут противостоять демонам? – раздраженно вздохнула Арфель. – У меня такое чувство, что наши мужчины спрятались за... за юбками!

Каэль согласно кивнула:

– Маги могли бы. И они даже стараются, но их мало. Ты не замечаешь, но отрядов оборотней проходит сквозь Ондиниум все меньше и меньше. Альянс становится все более и более хрупким. Люди разрабатывают новые заклятья и зелья, новые схемы проклятий и новые способы борьбы. Мы чертовски хороши в умении убивать. Но пока что без оборотней нам не выжить. Может, пойдём поедим?

– Давай на вынос закажем? – предложила Арфель. – В последнее время на меня странно смотрят.

– Просто так? Или есть повод?

– Повод сомнительный, – скривилась госпожа Льефф. – Мне докучал милорд Илуор нид Энтан, в то время как несколько добрых и любящих матерей желали подложить под него своих дочерей. Не думая о том, как девчонки будут жить дальше.

Передернувшись, Каэль все-таки раскупила вторую бутылку вина. И Арфель запоздало прихлопнула рот – с ее стороны было слишком жестоко напоминать госпоже Хемм о ее первом соглашении.

Ни для кого из замужних женщин не секрет, что безвылазное сидение дома весьма неплохой способ сохранить себя в относительной чистоте. Никто и никогда не мог заранее предсказать появление оборотней, но несколько простых правил позволяли держаться от них подальше. И Каэль Хемм пользовалась всеми уловками, чтобы сохранить свой брак. Она не ходила в таверны, выбиралась на рынок только самым ранним утром, вызывала модистку и сапожника на дом. Травы ей приносила Арфель, Арфель же составляла компанию по вечерам. Все было хорошо ровно до той поры, пока матушка Каэль не подставила свою собственную дочь... Правда, желаемого она не получила – Каэль не из тех, кто прощает обиды. И обязательный дар, который оборотень преподносит своей соглашенной, схоронился на дне болота. В тот же день муж был вразумлен мощным проклятием, а вероломная матушка несколько недель мучилась жесточайшим поносом.

«Правда, об этом Каэль не знает, – хмыкнула про себя госпожа Льефф. – Поскольку отреклась от родительского гнезда, не слушая объяснений».

– К черту их, – хрипло выдохнула Каэль и растянула губы в улыбке, – закажем на вынос. Не хочу видеть людей, я от них устала еще в столице!

В ближайшую таверну была отослана крылатая записка, и вскоре подруги сервировали стол.

– А вообще-то ты раньше не оскорбляла мое вино, – вдруг выдала Каэль.

– Раньше это была одна, ну две бутылки, – фыркнула Арфель. – А тут – два ящика. Скажи я, что мне вкусно, и ты, от щедроты души, одаришь меня чрезмерным количеством жасминового вина.

– Но я не хочу пить одна, – поджала губы госпожа Хемм.

– У меня есть немного гранатового вина, – успокоила ее Арфель.

– Фу, кислятина, – скривилась Каэль и добавила: – Ну хоть так.

Бутылка гранатового вина стояла под стазисом уже несколько месяцев, и госпожа Арфель долго принюхивалась – жить хотелось долго и, по возможности, безболезненно. В целом вино пахло нормально, но имело странный привкус. Так что госпожа Льефф цедила его мелкими глотками и растянула этот бокал до самого рассвета. В то время как ее подруга, Каэль, приговорила три полноценные бутылки.

– Остальное я уберу в свой тайный шкаф, – сурово сказала Арфель. – Ты можешь делать что хочешь, но утопить свою жизнь в вине – не со мной!

– Угу, – сосредоточенно кивнула госпожа Хемм. – Я просто немного того...

– Я знаю, – смягчилась Арфель. – Спокойной ночи.

Оставив подругу на софе и укрыв ее клетчатым пледом, Арфель вышла. Крепко подумав, она спустилась вниз и повесила за дверь объявление: «Ушла в лес». Все-таки время от времени нужно отдыхать!

Глава 4

Увы, то маленькое вчерашнее объявление оказалось пророческим – госпоже Арфель Льефф и правда пришлось отправиться в лес. Кто мог подумать, что следом за делегацией оборотней придут и сборщики налогов?

«Но самое главное, кто мог подумать, что в этот раз налог будет взят натурой», – злилась Арфель. Но, увы, в Империи не спорили не только с оборотнями, но и со строгими магами в синей форме сборщиков налогов.

И если так подумать, то для Арфель даже выгоднее было отдать им все свои запасы лесного страстоцвета, вернее, его колдовского подвида. И все бы ничего, да только зверье в лесу всякий раз с ума сходило, едва только мимо Ондиниума проезжали оборотни.

«Неделя – слишком мало, – думала Арфель и продолжала собираться. – Но если не соберу сейчас – придется ждать до следующего года. Или покупать в аптеке, но там и качество так себе, и цены невероятные!»

Откуда у Империи появился такой интерес к страстоцвету, Арфель не знала, да и не хотела знать. Госпожа Льефф предпочитала держаться подальше от всего, что хоть как-нибудь походило на высокую политику. И на низкую. Да вообще, на какую угодно политику.

«Хорошо, что Каэль отправилась навестить семью дражайшего супруга, – подумала госпожа Льефф тяжело вздохнула. – И как жаль, что я не смогла пойти с ней. Все-таки слишком уж недобрый был у нее взгляд. Как бы чего не вышло».

Так или иначе, но сборы вскоре были закончены, Каэль не вернулась, на улице стремительно теплело, и если Арфель собиралась идти в лес, то выходить нужно было сию секунду. Бросив последний тоскливый взгляд на улицу, госпожа Льефф направилась к лестнице.

«Все же есть свои плюсы в наличии богатых родственников, – рассуждала Арфель и стремительно шагала по сыроватому, но надежному подземному ходу. – Иногда они, желая открититься от нежеланных потомков, совершают истинные чудеса!» А чем, как не чудом, можно назвать тот простой факт, что дом Арфель имел собственный тайный ход? Да, он был довольно короток и выходил отнюдь не в лес, но ей хватало и того, что тайный переход заканчивался у большого камня за городской стеной. Что интересно, никто и никогда не замечал ее, выходящую из этого хода. Даже если кто-то устраивал пикник неподалеку – все они смотрели сквозь Арфель. Очевидно, этот тайник устроил невероятно сильный маг.

От городской стены до любимой опушки госпожи Льефф два часа неспешного хода. За это время травница успела собрать с десятков ягод волчьего стревня, найти два соцветия лунника засушливого и полюбоваться танцем крупных мохнатых бабочек.

– Вам повезло, что я травница, а не артефактор. – Она шутливо погрозила дивным созданиям пальцем. – Вот кто не пожалел бы вас и засушил.

За этих двух бабочек можно было выручить порядка пяти золотых, а это весьма и весьма внушительная сумма. В деревне можно дом купить, и даже останется немного на не самую захудалую козу. Но Арфель не настолько нуждалась в деньгах, чтобы губить редчайших мохнатых бабочек. Она даже немного злилась на чудных созданий – за то, что они так назойливо и так неразумно приближаются к ней.

– Вот же глупые, – ворчала госпожа Льефф и взмахами левой руки пыталась отогнать от себя бабочек. – Улетайте же! Неизвестно, кто может отказаться в этом лесу!

Увы, несмотря на всю красоту и полезность, лесные мохнатые бабочки не понимали человеческую речь и продолжали назойливо кружиться вокруг Арфель.

Травница никогда не умела долго злиться, да и к тому же ей и без того было чем заняться – она вышла на свою любимую полянку, где в изобилии рос страстоцвет.

– Повезло, – наморщила нос Арфель, – но не слишком. Большая часть уже отцветает. Эх, а без него ведь не обойтись.

Она трудилась до тех пор, пока солнце не встало в зените. И тогда, разогнувшись, она с ужасом ощутила незнакомую, тянущую боль в животе. Мимолетную, но какую-то... Пугающую?

– Что за глупости? – Она прижала руку к животу. – Несвежая сметанка?

Немного отдохнув, госпожа Льефф собралась в обратный путь – закинула за спину потяжелевшую корзину, подобрала холщовый мешок (попались такие чудные коренья, ну просто грех не собрать) и поискала взглядом перекрученную и иссохшую ветку ардалового дерева. Из этой ветки выйдет прекрасный амулет.

«Может, даже получится собрать накопитель», – подумала Арфель и двинулась в сторону города.

Корзина казалось какой-то непривычно увесистой, хотя уж к чему, а к переносу тяжестей госпожа Льефф была привычна с отрочества.

«Нет, мне определенно необходим выходной», – подумала она и остановилась. Спустила с плеч корзину, отложила мешок и прислонилась к стволу палку.

– Все равно мне все это нужно, – она расстроено топнула ногой. – Ну что происходит-то?!

Низкое, горловое рычание стало ей ответом. Никто из живущих в Ондиниуме не способен спутать рокочущий волчий рык с собачьим или каким-то иным.

Арфель за доли секунды левитировала себя на вершину кряжистого дуба. И уже оттуда осмотрелась. Внизу, рядом с ее вещами, стояли волки. Белоснежные волки.

– Вас не существует, – обвиняюще произнесла Арфель. – Белых волков не бывает. Настолько белых волков не бывает!

Но волки, как и бабочки, человеческую речь не понимали и потому не могли устыдиться своего слишком странного окраса. Покрутившись по поляне, белые «несуществующие» волки забрали вещи Арфель и исчезли в зарослях. Травница проводила их пораженным взглядом, после чего, не стыдясь, откровенно и многословно пояснила мирозданию, как сильно она, Арфель Льефф, огорчена. И куда пойдут жаждающие ее настоек люди, поскольку в лес она, Арфель Льефф, больше не сунется. Ни за что!

Илуор нид Энтан

Он прикрыл глаза, досчитал до десяти и вновь посмотрел на статуи волков-охранителей. Ничего не изменилось. Вместо трех прекрасных, великолепных статуй перед Илуором стояли калеки. У левого волка – волка, олицетворяющего собой зоркость, – глаза съехались к переносице. У правого, символа абсолютного слуха, уши были практически не заметны (зато голова раза в три больше, чем нужно). Но больнее всего было смотреть на центрального охранителя. Тут Илуор даже не мог понять, что его смущает больше – общая придурковатость морды, вывернутые в разные стороны лапы или закрученный каралькой хвост. Как у собаки, прости Отец.

– Это что? – коротко, на выдохе, спросил нид Энтан.

– Охранители, – удивился Риэл и широко улыбнулся, демонстрируя миру сломанный левый клык. – Мой вожак, что-то не так?

Илуор внимательно посмотрел на побратима, затем на трех уродцев-охранителей и, тщательно сдерживая ярость, процедил:

– Во-первых, я еще не вожак. Во-вторых, присмотришься внимательнее.

Пожав плечами, Риэл подошел ближе и тут же сдавленно выругался:

– Это как это? Это кто ж это? Да какая ж тварь посмела осквернить!

Нид Энтан пожал плечами и сделал несколько шагов назад. Фигуры охранителей тут же приняли прежний благородный вид.

– Иллюзия, – задумчиво произнес Илуор. – Думаю, стоит навестить вороньего жреца.

– Да уж, – хрипло выдохнул Риэл. – Надо знать, кто такую погань сотворил. И никто, главное, ничего не заметил. Кроме тебя, мой вожак.

Илуор поморщился от прозвучавшей в голосе побратима подобострастности и поправил его:

– Риэл, я еще не вожак.

– Ты мой вожак, Илуор. Мой побратим. Никто, кроме тебя, не достоин встать у корней Великого Древа.

Нид Энтан предпочел промолчать. В Ондиниуме что-то произошло. Что-то, что изменило его отношение к предстоящим состязаниям. Иногда Илуору казалось, что он оставил в человеческом городе что-то бесценное. Что-то бесконечно важное. Но что? Та смешная травница наверняка уже ищет себе супруга – Риэл должен был передать ей амулет. Девка, с которой он провел ночь? Да с чего ему интересоваться той, чье лица он не запомнил. И запаха. В памяти не осталось ничего, как, впрочем, и всегда после нежданного гона. Спасибо Риэлу, что увел бойцов и скрыл позорный срыв.

Легко перевоплотившись, Илуор помчался вперед. Он устал от двуногой формы, от любопытных взглядов и от сдержанного отвращения тоже. Как будто люди предпочли бы главенство демонов.

"Ради свободы, о претендующий на рогатую корону, любое разумное существо готово пойти на беспрецедентные меры", – в виски ударилось прохладное мысле-послание жреца.

"А разве они не свободны?" – ответно рыкнул Илуор и остановился. Обратное перевоплощение заняло чуть больше времени. Ровно столько, чтобы жрец успел сложить свои черные крылья и принять вид убеленного сединами старца.

– Отец-Ворон, – нид Энтан склонил голову, – я шел к тебе.

– Равно как и я шел к тебе, – кивнул старик. – Наши охранители ушли.

– Или их украли, – хмыкнул Илуор. – И я больше верю в...

– Это произошло на моих глазах. Они стряхнули с себя мраморную пыль, потянулись, как после долгого сна, и убыли.

– Это безумие.

Старик пожал плечами и разумно заметил:

– Это не первый раз, когда охранители просыпаются. Они защищают перевертышей. Сколько раз белая троица спасала нас? Предупреждала о вероломном людском нападении? О мировых катаклизмах?

– Люди готовятся разорвать наш альянс, – с горечью произнес нид Энтан. – Но им потребуется не меньше двух десятилетий, чтобы действительно закрыть границы от демонов. Они не потянут войну на два фронта.

– Что ж, значит, причина иная, – развел руками Отец-Ворон. – И тебе предстоит ее найти.

– Я не обладаю всеми полномочиями Вожака, – напомнил Илуор и добавил: – Может быть, Кавиш справится лучше. Что? Я сильнее, но он куда хитроумней.

Признавать это было горько, но тощий пегий волк действительно был зверски умен. Он много лет провел среди людей, обучался в их университетах и даже стал основателем какой-то кафедры.

– И трусливей, – с горечью произнес Отец-Ворон, – Кавиш взял за себя человечку. Сплел с ней судьбы по древнейшему обычаю. А ты знаешь, что Вожак не может поставить рядом с собой слабую кровь. Именно поэтому в доме рид Аверрим вовсю готовят свадебные пироги. Вместо состязаний ты пройдешь иное испытание. Ведь другого претендента у нас больше нет.

Илуор стиснул зубы и сдержал ярость. Хотя больше всего на свете ему хотелось обернуться, найти Кавиша и передавить его вероломное горло. Сейчас, когда кризис так близок, он предпочел трусливое бегство. В центре Серого Дола могут жить только кшэртрии, и то пока их щенкам не исполнится по пять лет. Потом женщин отправляют к подножию одиноких холмов. Прекрасный уютный город, вокруг лес, озера и ягодные поля. Рай, если говорить человеческим языком. Беззащитное брюхо, если смотреть на вещи трезвым оборотническим взглядом.

– Я призову его, – усмирив гнев, сказал Илуор. – Когда пройду испытания и рогатая корона примет меня – я призову Кавиша на место своей правой руки. Его женщина останется у подножия холмов. Если она будет в тягости – значит, будет жить здесь. Ему не удастся отсидеться в тиши и покое.

– Вот и славно, – кивнул Отец-Ворон. – Ты не можешь поддаваться чувствам, Илуор нид Энтан. Твои чувства могут слишком дорого обойтись для всего Серого Дола.

– Да. – Он криво улыбнулся и, спохватившись, спросил: – Так что со статуями?

– Мы решили скрыть уход охранителей, – с усмешкой ответил старик. – Чтобы не разводить панику. Иллюзию нужно на что-то зацепить, но на что? Мой ученик вылепил охранителей из гипса. Получилось не очень хорошо, но иллюзия держится.

– Я отправлю свой отряд обратно, – неожиданно произнес Илуор. – Пусть спрячутся среди людей, слушают и смотрят. Я не хочу верить, что Империя могла снюхаться с демонами, но иной причины не вижу.

– Жаль, что мы не можем подумать, что охранители просто решили размять лапы, – скрипуче рассмеялся Отец-Ворон. – Мой ученик ищет в старых свитках. Он уверен, что недавно читал что-то захватывающее об охранителях, но вспомнить не может. Увы, у него раздражающая способность много читать и быстро забывать.

Илуор коротко кивнул и развернулся в сторону города. Нужно отнести дары невесте, и так уже безобразно затянул с этим.

Ноздри пощекотал нежный аромат сушеных трав, и оборотень раздраженно тряхнул головой. Маленькая травница из далекого города не пара оборотню. Да и оборотень ей тоже не пара. Ни к чему мучить себя. У всего есть цена, а за мирную жизнь своего народа он, Илуор нид Энтан, готов отдать многое. Всё.

Арфель Льефф, травница

В город Арфель вернулась к ночи. В окнах ее дома горел свет – Каэль уже увернулась, – и из приоткрытой входной двери тянуло ароматом свежей выпечки.

Уставшая, измученная травница улыбнулась и на секунду прислонилась к фигурной калитке. Всю долгую дорогу по лесу Арфель кидала вокруг себя слабые колдовские импульсы, чтобы точно знать, что рядом нет никого крупнее полевки. И вот сейчас она стоит перед своим домом, домом, в котором ее ожидает сладкое печево. Домом, на крыльце которого лежат украденные волками вещи.

– Когда моя жизнь успела превратиться в это? – спросила госпожа Льефф и решительно шагнула вперед. – Надеюсь, вы нигде тут не спрятались. В моем доме нет места волкам. Даже белым.

Она искоса осмотрела свой двор, но ни среди цветов, ни среди хвойных растений никаких волков не обнаружила. Вот и славно.

– Я хотела собрать людей и идти тебя искать, – глухо раздалось откуда-то с крыши дома.

– Каэль?

– Ага. Но потом увидела твои вещи и решила, что ты просто пошла куда-то погулять. Вот только почему меня с собой не взяла? Ты уж прости, в дом я их не затащила – меня не покидало

ощущение, что, едва я коснусь их... – Каэль прервалась, нервно хохотнула и решительно добавила: – Переволновалась, наверное. Ничем иным это гадкое ощущение я оправдать не могу.

Арфель задрала голову и попыталась рассмотреть, где именно устроилась подруга. Но Каэль не зря училась на факультете практической магии – распознать засевшую в засаде колдунью было решительно невозможно.

– Ты поэтому устроилась на крыше? Потому что перенервничала? – Госпожа Льефф покачала головой и добавила громче: – Спускайся осторожно, там доски гнилые. Я тебе сейчас такое расскажу – ахнешь.

– А чего не чинишь? – с интересом спросила Каэль и завозилась, явно планируя спускаться.

– Я травница, а не плотник. Только не говори, что мне ради гнилых досок нужно мужа завести, – тут же предупредила подругу Арфель. – Неравноценный обмен получится.

Подобрав свои вещи, госпожа Льефф кое-как затащила их внутрь и устало выдохнула. Ну вот и все, она дома, ничего перекупать не придется. А там уже и лес успокоится, и она забудет этот милый волчий инцидент. И, судя по запаху, в этом ей помогут булочки с корицей.

– Неравноценный, это точно. – Нна лестнице появилась Каэль. – Представляешь, мой драгоценный муженек по-прежнему не хочет разводиться, но хочет продать наш дом.

– Ты в нем не живешь, – пожала плечами Арфель.

Каэль закатила глаза:

– Да я его скорее сожгу, чем дам ему поживиться. Пошли, у меня уже и настой готов, и булочки.

Кивнув, госпожа Льефф последовала за подругой. И на кухне, сидя перед огромным блюдом со сладкой выпечкой, Арфель поймала себя на мысли, что не отказалась бы от огромного куска мяса. Желательно – прожаренного, но в крайнем случае можно и с кровью.

Арфель так удивилась своим неожиданным желаниям, что даже замерла на пару мгновений.

– Да-да, – самодовольно пропела Каэль, – хвали меня, восхищайся мной.

И госпожа Льефф тут же рассыпалась восторженными комплиментами. Но перед глазами все равно стоял огромный шмат жареного мяса, щедро посыпанный зеленью.

Что, впрочем, не помешало госпоже Льефф споро уничтожать булочки и в промежутке рассказывать подруге историю своей лесной прогулки. Арфель ошиблась лишь в одном: Каэль не ахнула, она крепко выругалась и покрутила пальцем у виска:

– То есть ты оставила дипломированного боевого мага в городе, а сама отправилась в лес. Отправилась в лес, прекрасно зная, что аура оборотней сводит с ума все зверье? Я в восхищении, честно. Это такая запредельная тупость, что даже мой муженек немного меркнет.

И вот что удивительно, Арфель и сама успела подумать о том же, но когда это сказала подруга, то травница обиделась чуть ли не до слез. Особенно горько было оттого, что возразить толком было нечего.

– Ну ты не боевой маг, – буркнула наконец Арфель и отложила надкушенную булочку. – Ты маг-практик.

– Только потому, что наша Империя боится давать женщинам права боевых магов, – фыркнула Каэль. – А так я вхожу в десятку лучших. Неофициально. Иначе с чего бы меня дергали в столицу? Они хотят и на елку влезть, и ничего не ободрать.

– Кстати, да, зачем тебя в этот раз вызвали? – заинтересовалась Арфель.

– Они хотели навязать мне целую группу юных оболтусов, но при этом отказывались признавать мои боевые качества. Они сказали: «Нет, мы просто хотим, чтобы вы научили их тому, что знаете и умеете. Это не равно тому, что мы признаем ваши боевые заслуги». И я несколько недель учила их печь пироги, варить компоты и супы. После чего была с позором выставлена. Мол, посиди в своем Ондиниуме и подумай над тем, как некрасиво ты поступаешь.

Арфель с искренним восторгом смотрела на разъяренную подругу:

– Как ты решилась на это?

– А разве у меня был выбор? Я не становлюсь моложе, с годами мне будет все тяжелее и тяжелее отстаивать свою точку зрения. В том числе и в отношении своего супруга. Ты думаешь, что, когда я стану старой и дряхлой, он внезапно станет добрее? Ты ведь знаешь, что расцвет колдовской силы у женщины приходится на промежуток между тридцатью и сорока годами?

– Разумеется, – фыркнула Арфель. – Жду этого расцвета со страшной силой.

– А к концу жизни мне придется довольствоваться жалкими крохами, – криво улыбнулась Каэль.

И госпожа Льефф тяжело вздохнула. Она даже смутно не представляла, как будет справляться под конец жизни. Если ее магия в итоге станет еще меньше, чем сейчас.

– Нам не обязательно думать об этом сейчас, – подытожила госпожа Льефф.

– Тебе – да, – хмыкнула Каэль. – У тебя надежная броня. Внутренняя.

Арфель покраснела.

– Ты же ее не потеряла? – тут же нахмурилась подруга.

– Мне просто не нравится, когда ты об этом говоришь. С моей, кхм, «броней» все в порядке. Если я, конечно, ни о чем не забыла, – ехидно пошутила Арфель.

– Первый раз, как правило, забываем. Либо в хорошем смысле, либо в плохом, – фыркнула Каэль. – А вообще, если вернуться к истории о белых волках, то это могла сработать твоя магия. Сама говоришь, что она вроде как раскачиваться начала. Ты вполне могла внушить им оттащить вещи.

– И не заметишь этого? – усомнилась Арфель.

– Ну либо это волки-волонтеры, спасающие травниц, – вскинула брови Каэль. – Я предпочту верить в случайное внушение. Спать?

– Я вначале отмоюсь, потом спать.

И уже в постели, закрывая глаза, Арфель подумала, что не отказалась бы от таких «волонтеров». Это ж в какие лесные дебри она могла бы безнаказанно забраться!

«Хотя медведь был бы предпочтительней. На него сесть можно было бы», – подумала она и уснула.

Глава 5

С самого утра Арфель кружилась по лавке как пчелка на цветочном поле. Во-первых, в садах начали созревать яблоки (начали, но не закончили, а детям это, увы, не объяснить). Так что мамочки дружно брали желудочные капли, уже привычно отмахиваясь от пояснений, как пить, – все знакомо, ничего нового. Все эти страдания – они проходят из года в год, и так до тех пор, пока дети не вырастут. Во-вторых, забегал аптекарь, пытался вытянуть у госпожи Льефф страстоцвет по льготной цене. Но не вышло – Арфель в ближайшее время не собиралась возвращаться в лес, да и особой нужды в деньгах не испытывала. Не стоит оно того, решила травница и выгнала приставучего аптекаря.

Раздосадованный аптекарь ушел, а к прилавку Арфель подошла госпожа Хемм.

– Это просто паноптикум какой-то, – хмыкнула Каэль.

Поперхнувшись смешком, госпожа Льефф повернулась к подруге и удивленно уточнила:

– Кто?

– Не кто, а что, – фыркнула подруга и облокотилась на прилавок, – столичная придумка. У нас же траур был, лет шесть назад.

Арфель замерла и попыталась припомнить, что происходило шесть лет назад. Покосившись на подругу, госпожа Льефф осторожно спросила:

– Это когда королеву-мать хоронили? Я бы не назвала то действие трауром...

– Ну не мог же Его Величество откровенно на всю Империю сказать: "Наконец-то!" Так вот, от нее же осталась коллекция всякой жути: заспиртованные младенцы, зародыши всяких животных, странные скульптуры и прочее. Это все выставили в музей и обозвали паноптикумом. Сама понимаешь, это слово быстро пошло в массы и приобрело несколько иное значение.

– Я не могу сказать, что кто-то из больных похож на заспиртованного младенца, – с сомнением сказала Арфель.

– Иногда с тобой тяжело, – закатила глаза Каэль. – Я пошла пить чай и доедать вчерашние булки.

– С этим есть проблема, – смутилась госпожа Льефф. – Я утром пила чай и как-то... Ну, понимаешь, задумалась.

– И?

– Булки кончились, – тихо вздохнула травница. – Клянусь, я не знаю, как это получилось! Но я поставила тесто.

– Какая прелесть, – отозвалась Каэль. – Пойду попою пустого чая и пожую сырого теста.

В этом доме хоть что-то съестное есть?

– Сушеные яблоки, – откликнулась Арфель. – Я сейчас тут закончу, и сходим на рынок.

– Ага, но вначале в банк. Я деньги сниму, а то мало того, что живу у тебя, так еще и объедаю буду.

В ответ на это Арфель только выразительно хмыкнула. Она любила, когда Каэль оставалась у нее. Во-первых, не скучно. А во-вторых, не страшно. Маг-практик – это вам не беззащитная травница. Не то чтобы Арфель как-то особенно сильно боялась Трента-младшего, но все же мерзавец несколько раз угрожал ей. Увы, этот паршивец постоянно крутился около дома травницы, чем очень ее раздражал.

Звякнул колокольчик на входной двери, и госпожа Льефф с трудом подавила стон. Ну конечно, стоит только его вспомнить – и нате, пожалуйста.

– Будь столь любезна, три флакона зелья от головной боли, – процедил он и жадно осмотрел травницу.

Она стойко выдержала его взгляд и порадовалась, что ее рабочее коричневое платье не имеет ни малейшего намека на декольте. Начинаясь под подбородком, оно закрывает ее полностью. Да и крой крайне удачный (для рабочего платья) – не дает рассмотреть фигуру.

Так что Арфель коротко кивнула и выставила на стол три флакона:

– Шесть медных монет, господин Трент.

– Шесть медных монет, – протянул он и бросил их на прилавок. – Славно развлеклась с тем оборотнем, да? Будущий вожак, не какой-то человек, да? Только вот ничего-то тебе не светит.

Собрав с прилавка деньги, госпожа Льефф сложила их в кассу и безукоризненно вежливо спросила:

– Что-то еще, господин Трент?

– Ты будешь валяться у меня в ногах, – осклабился тот. – Никто тебя не защитит. И на твою бешеную подружку найдется управа, уж поверь. Не хотела честь по чести, через храм, через запись в магистрате – будешь у меня приживалкой. Или сгниешь в своем лесу.

Сжав зубы, Арфель приказала себе молчать. Не стоит раздувать скандал, хотя до такого еще не доходило. Но на беду (или на счастье?) вниз вновь спустилась Каэль и ласково пропела:

– Я тебя самого выведу в лес, привяжу к дереву и так и оставлю. Никто не найдет. Да и искать не будет, твой папенька вроде как ублюдка своего признал, к делу приставил. Говорят, именно его наследником объявят, раз уж законный сынок туп и зол, как низший демон.

– Недолго тебе скалиться, – прошипел Трент и повернулся к Арфель. – А ты могла бы быть моей женой! Я бы закрыл тебя за высокими стенами, ни одна лохматая тварь бы не увидела. Но тебе, видимо, нравятся животные.

Арфель злилась сама на себя. Что бы она сейчас ни сказала, это будет звучать как оправдание. А оправдываться перед Трентом-младшим в ее планы не входило. Но и терпеть все эти оскорбления уже не было сил!

– Я очень сожалею, господин Трент, что ваш отец решил столь вероломно с вами поступить, – произнесла, наконец, госпожа Льефф. – Однако ваши личные трудности не повод срывать на окружающих людях. Всего доброго, господин Трент. Полагаю, капли для вашей матушки? Как она справляется с нанесенным ударом? У меня есть прекрасный успокаивающий сбор.

Взбешенный Трент-младший так хлопнул дверью, что Арфель и Каэль даже немного оглушило.

– Да, подруга, вот за что тебя люблю, – восхищенно произнесла госпожа Хемм, – так за твои ласковые оскорбления. И посочувствовала, и дерьмом умыла, и не прикопаться.

Арфель нервно одернула рукава и отозвалась:

– На этой прекрасной ноте предлагаю прикрыть лавку и пойти на рынок. Я хочу гору бутербродов со сливочным маслом, ветчиной и жирным сыром. И кувшин кваса.

– Может, в трактир? В "Белого гуся"? Там подают запеченные лепешки с ветчиной и сыром.

Поколебавшись, Арфель согласно кивнула. В конце концов, оборотни давно уехали. Да и до рынка оттуда недалеко.

– Вначале едим, потом на рынок. Иначе накупим всякой ерунды. Дорогой и несъедобной, – решительно произнесла госпожа Льефф.

– Так в этом и есть смысл жизни, – закатила глаза Каэль. – Купить всякой ерунды и стать счастливой. Хоть на пару часов.

С этой концепцией счастья Арфель была не согласна, но спорить на пустой желудок? Ну уж нет, так в голову ни одного здорового аргумента не придет.

Быстро сменив рабочее платье на «приличное», Арфель переплела волосы, вдела маленькие серебряные серьги и обулась в аккуратные туфельки. Низкий каблук, удобная колодка – просто, красиво и удобно.

Уже подходя к трактиру, Арфель вспомнила про тесто. Вот только она была недостаточно ответственна, чтобы вернуться и что-либо предпринять. Вместо этого госпожа Арфель предпочла трагично простонать:

– Оно расплзется по всей кухне.

Каэль поднялась на крыльцо трактира и хмыкнула:

– Конечно. А еще оно выйдет из кухни и заполонит собой весь первый этаж, потом спустится с крыльца и поработит город.

Внутри «Белого Гуся» Арфель испытала очень странное чувство, но беспокойство об оставленном тесте не позволило ей заикнуться на неприятных ощущениях.

– Ты просто никогда не убирала сбежавшее тесто, – вздохнула госпожа Льефф.

– Одно заклинание в три пасса, – пропела Каэль. – Пользуйся мной, дорогая.

– Тогда, может, крышу починим? – с надеждой спросила Арфель.

– Починим, – пожалала плечами Каэль и села за столик.

Травница всегда подсмеивалась над подругой, потому что та постоянно выбирала места у стены, в углу. Или рядом с окном. В общем, Каэль всегда садилась так, будто ожидает нападения.

«Хотя это может быть разумным», – подумала Арфель и тяжело вздохнула. К сожалению, она ничем не могла помочь своей единственной подруге. Ну, кроме старой, но удобной софы и доброго слова. Как знать, может быть, этого достаточно, а может быть, преступно мало.

Невысокий паренек принес меню, но Каэль сделала заказ за двоих, даже не глядя на потрепанные листы:

– Четыре пряных лепешки, те, что запечены с ветчиной и сыром, кувшин кваса и большой бокал светлого пива. И соленые сухарики.

подавальщик поклонился, скороговоркой повторил заказ и быстро исчез.

– Середина дня, Каэль, – укоризненно заметила госпожа Льефф. – Какое пиво?

– Светлое, – пожалала плечами госпожа Хемм. – Вкусное, с сухариками.

Не прошло и десяти минут, как на столе исходили ароматным парком запеченные лепешки, а счастливая Арфель наливала себе квас.

– Прошу прощения, госпожа Льефф? – К их столику подошел невысокий худой господин.

– Да, это я. Здравствуйте, – чуть удивленно ответила Арфель.

Она не знала этого мужчину и даже не ощущала его смутно знакомым – как это бывало со всеми ее покупателями, даже если они отоваривались в ее лавке всего раз.

– Видите ли, госпожа Льефф, мой сын принес домой вашу подвеску. И я хотел ее вернуть, но как-то не складывалось. – Мужчина вытащил платок и утер вспотевший лоб.

Каэль нахмурилась и, прежде чем подруга успела что-то сказать, ехидно спросила:

– А теперь вы хотите денег? Думали оставить подвес себе, но случайно встретили нас?

– Вообще-то, мой сын нашел эту цацку в мусоре, – вскинулся мужчина. – Я мог бы и не искать владельца!

– Просто испугались, что на подвес наложено проклятье, – покивала госпожа Хемм.

Охнув, Арфель взмахнула рукой:

– Около трактира нашли? Мне она не н...

Каэль быстро прикрыла подруге рот:

– А вдруг мне нужна? Я люблю украшения. И вообще, прежде чем выбрасывать годные вещи, уточни у близких – вдруг им надо.

– Так что, могу я рассчитывать на скромное вознаграждение? – Мужчина потер руки и заискивающе улыбнулся. – Заклинание распознавания владельца очень сложное.

– На очень скромное вознаграждение, – жестко сказала Каэль и выложила на стол два медяка. – Стоило прийти в лавку, и там можно было бы выручить что-то более ценное. Но!

Госпожа Хемм ловко накрыла монеты рукой и вкрадчиво спросила:

– Распознаватель показывает внешность владельца, но никак не имя. Как ты узнал ее имя?

– Жена сказала, – удивился мужчина. – Она постоянно к госпоже Льефф ходит. Самые дешевые и качественные настои.

– Отдавай подвеску и бери свои два медяка, – жестко произнесла Арфель. – И я даже не буду спрашивать, что твой сын искал в мусоре.

Так и не представившийся мужчина вспыхнул, бросил на стол подвес и сгреб медяки:

– Раз уж так, то и я не буду спрашивать, за какие такие заслуги простая травница получила такой дар.

– За спасение жизни, – отрезала Арфель и перевела взгляд на подругу.

Та вертела в руках медальон. Мысленно Каэль была очень далеко, ее выдавал расфокусированный взгляд и кривая улыбка. Наконец госпожа Хемм отмерла и хмыкнула:

– В прошлом я бы за такой амулет отдала половину жизни. А ты выкинула его в мусор. Иронично. Ты точно все мне рассказала?

Арфель сделала несколько глотков и отставила кружку в сторону. Взяв кусочек лепешки, она спокойно ответила:

– Я не сказала только то, что ты и без того знаешь. Я не люблю оборотней, мне неприятно с ними взаимодействовать. Так что исполняла свой долг я без удовольствия, но весьма старательно. И да, получила в дар подвес. Хотя я бы не назвала это подарком.

– И выкинула. – Каэль покачала головой. – Какая гадость. Я ведь сейчас готова пасть перед тобой на колени, лишь бы ты мне его отдала. И при этом понимаю, что смысла в этом нет.

Промокнув губы салфеткой, Арфель спросила:

– Ты действительно считаешь, что тебе нужно вставать передо мной на колени? Если он тебе нужен – бери. Мне омерзительна сама мысль, что эта дрянь будет со мной.

Каэль вздохнула и убрала подвес в свой кошель:

– Я сохранию его для тебя. Передать ты его никому не можешь, а вещь полезная.

– Вообще-то могу, – возразила Арфель и, не слушая подругу, переключилась на еду.

Раньше «Белый Гусь» ей нравился, но сейчас он казался каким-то неудобным, неприятным и даже местами грязным.

«Может, мне и правда следует пообщаться с целителем душ? Я ведь не должна настолько не любить оборотней», – мысленно вздохнула Арфель и утащила у подруги несколько сухариков. «Даже то, что произошло с мамой... В конце концов, в этом немалая доля вины моего отца и его семьи».

Арфель Льефф очень не любила оборотней, но искренне считала их меньшим злом. Она бы не хотела, чтобы на место оборотней встали демоны. Вот если бы и те, и другие канули в небытие... Травница вздохнула: нет, об этом думать нельзя. За такие молитвы человеческую религию едва не объявили вне закона. И молитву «Об избавлении от тварей» стало запрещено произносить вслух. Но странным образом во время каждой службы священнослужители объявляют молитву тишины. Времени эта молитва занимает столько же, сколько и «избавление». С этим никто ничего сделать не смог.

– Что ж, на рынок? – Каэль допила пиво и встала.

– Да, только расплатимся сначала, – фыркнула Арфель.

– Второй раз? – вскинула бровь госпожа Хемм. – Пока ты витала в облаках, я успела все сделать.

Перед рынком подруги зашли в банк, где Каэль сняла немного наличных. Увы, госпожа Хемм не могла позволить себе носить большие денежные суммы. Странноватое и перекошенное имперское законодательство предписывало женщине отдавать наличные деньги мужу. По счастью, по очень огромному счастью, на момент принятия этого закона банков еще не существовало. Поэтому Каэль снимала со своего довольно внушительно счета сущие копейки.

– Знаешь, всегда любила ходить с тобой по рынку, – со вздохом призналась Арфель.

– Потому что я потрясающе иронична или потому что я выбираю лучшее мясо? – с интересом уточнила Каэль.

Арфель рассмеялась и кивнула на парящие в воздухе корзины:

– Потому что не приходится таскать тяжести. И можно за один раз унести все и сразу.

Каэль рассмеялась и проворчала что-то о том, что ее слишком низко ценят. Ведь она огого что может.

Первое, что сделала Арфель придя домой, – бросилась на кухню. Тесто сбежало. Оно выползло из своей миски, вольготно расположилось на столе и даже начало потихоньку перебираться на пол.

– А оно и было такого странного цвета? – напряженно спросила Каэль и чуть подвинула подругу в сторону. – Ну что за привычка замирать в дверях!

– Вообще-то нет, – задумчиво отозвалась госпожа Льефф. – Может, здесь слишком жарко?

– Может, ты просто что-то не то добавила? – поддела подругу Каэль. – Изумительный зеленый оттенок. Интересно, как бы выглядели пирожки после запекания?

– Но оно таким не было, – чуть не плача ответила Арфель. – Я прекрасно пеку. Ты же знаешь!

Каэль безусловно это знала, но госпожа Льефф слишком часто хвасталась своими дивными пирогами, и сейчас маг-практик просто не могла перестать ее подкалывать.

– Как знать, как знать, – пожала плечами госпожа Хемм. – Быть может, ты просто покупала где-то эти прекрасные пышки?

– Я тебя убью и даже плакать не стану, – буркнула Арфель. – И вообще, ты говорила про заклинание в три пасса – действуй!

– Действуй, – передразнила подругу Каэль и одним ловким движением уничтожила тесто. – Все! Только миску надо прохладной водой ополоснуть. А то после заклятья остается противный привкус.

Арфель кивнула и тут же подхватила миску.

– Предлагаю заняться ужином, – бросила она Каэль. – Через пару часов мы будем слишком голодные, чтобы приготовить что-нибудь путное.

Госпожа Хемм согласно кивнула и тут же распределила обязанности:

– Поставь тесто, то, быстрое. А я натру мясо специями и помою овощи.

Вдвоем готовить куда приятней, да и веселей. Каэль поведала подруге несколько забавнейших ситуаций, в которых побывала во время столичной поездки. Правда, эти самые ситуации госпоже Хемм пришлось немного урезать, потому что смешного было мало, а грустного много, но... Но это довольно привычное действие на самом деле. И Арфель, когда рассказывала про своих подопечных-увечных, тоже многое урезала. Просто потому, что есть вещи, с которыми тяжело смириться и которые тяжело принять. Подруги привыкли щадить друг друга, но при этом не дошли до откровенной лжи. Они никогда не умалчивали о том, что происходило непосредственно с ними. И потому Каэль была немного напряжена, когда решила задать Арфель прямой вопрос:

– Почему ты выкинула амулет?

– Что? – Арфель накрыла тесто чистым полотенцем и повернулась к подруге. – В смысле?

– От оборотня, – Каэль искоса посмотрела на подругу, – ты ведь не мужененавистница, верно? Чисто теоретически, если бы не вся эта ерунда с Соглашением, ты бы хотела выйти замуж и родить детей. Господи, да даже я этого хотела! И ты берешь и выбрасываешь свой счастливый билет. Почему?

На лице Арфель отразилась нешуточная борьба двух эмоций – раздражение и непонимание. В итоге травница присела на табурет и честно сказала:

– Я не знаю. Но меня просто передергивает при мысли об этом амулете. Я ведь и денег не взяла.

– Ты не взяла деньги? – Каэль отмыла руки от специй и поставила на плиту чайник. – Я не могу сказать, что знаю тебя как жадную до золота сквалыгу, но, дорогая моя, ты всегда берешь оплату за свой труд. Просто потому, что люди имеют свойство наглеть и, один раз получив помощь бесплатно, они приходят с друзьями и родственниками, которые тоже хотят бесплатно.

– Ой, не напоминай, – отмахнулась Арфель. – Но, справедливости ради, я должна заметить, что далеко не все такие. И вот, к примеру, вдова господина Брайса не может заплатить за настойки для своего сына. Нет у нее денег. Но зато она приносит мне мед и варенье. То самое, которое ты сейчас в вазочку перекладываешь.

Госпожа Хемм с сомнением посмотрела на банку в своих руках, принялась к содержимому и даже бросила диагностирующее заклинание. Подвоха не было – прекрасное смородиновое варенье, в меру сладкое, в меру кислое.

– Но она богата, – возмутилась Каэль. – Я точно знаю!

– Ага, но до совершеннолетия сына не может снять деньги со счетов мужа, – фыркнула Арфель. – В итоге они живут в большом доме, потихоньку распродают мебель и ткани и развели огород вместо парка. Как она недавно мне сказала: "Великое счастье, что в свое время я убедила мужа посадить несколько плодовых деревьев и ягодных кустов". Это просто кошмар, Каэль, осознавать, что на счетах несколько тысяч золотых, а на руках мозоли от лопаты и граблей. И ребенок, которому требуется квалифицированная помощь, но все, что может дать ему мать, – мои настои.

– А полностью ты его вылечить не можешь? – с острым сочувствием спросила Каэль.

– Ты правда думаешь, что я бы оставила ребенка страдать? – с обидой спросила Арфель. – Я уже прыгнула выше головы и создала несколько абсолютно новых настоек. За которые меня могут высечь на площади, ведь они не проверены и я не имею лицензии на их продажу. С другой стороны, я и не продаю.

– То-то и оно, что не продаешь. А что с мальчиком?

– Одно наложилось на другое, – вздохнула Арфель и поблагодарила подругу за чашку ароматного чая. – Дети – это дети. Он с друзьями отправился в лес, показать свою удаль. Что-то из того, кто дальше всех в лес пойдет, тот и молодец. Там его укусила змея.

– Редкая магическая?

– Да если бы, – вздохнула Арфель. – Обычная гадюка, никто и не всполошился. Дали противоядие и думать об этом случае забыли. Потом господин Брайс заболел и на мальчишку перестали обращать внимание. Сыт, одет, занят – хорошо. В общем, как мы потом смогли установать, он еще и ягод наелся в лесу. Как обычных, так и магических. Сами по себе эти ягоды никакого вреда не несут. Но они вступили в реакцию с ядом, получилась странноватая смесь, которую сверху полили противоядием. И вот теперь эту странную субстанцию нужно вывести из организма ребенка. У наших целителей такого опыта нет, мальчишке всего тринадцать лет – организм всюю перестраивается, и это усложняет процесс изъятия.

– И сколько нужно денег?

– Триста золотых сама процедура, ну и до столицы добраться. Или сюда вызвать, – Арфель развела руками, – у меня на счету двадцать золотых. И это очень достойная сумма для травницы, согласишься.

– У меня двести, – вздохнула Каэль. – Неужели у них не осталось друзей?

– Мы не так близко общаемся, – развела руками травница. – Я знаю, что госпоже Брайс трижды предлагали руку и сердце. Но она не дается. В тот день, когда приехала делегация, госпожа Брайс тоже была в трактире. Надеялась на Соглашение. Вот только ее никто не выбрал.

– Да, если попросить, то оборотень не откажет в деньгах. Это омерзительно. – Госпожа Хемм замерла, потом словно очнулась и продолжила: – Но ради больного сына я бы не то что с одним переспала, я бы десятку дала. Хоть и вымоталась бы, наверное.

Госпожа Льефф согласно кивнула.

– Я делаю, что могу, чтобы помочь им. Но мальчику все хуже и хуже, мне кажется, он не протянет пять лет, – тихо сказала травница и вздохнула.

Каэль тоже вздохнула и аккуратно подобрала варенье ложечкой. Попробовав и восхитившись вкусом, она все же вернулась к изначальной теме:

– Ты мне чего-то недоговариваешь. Я про оборотней.

– Я все рассказала, – обиделась Арфель. – Seriously. Я понимаю, что такая реакция тебе кажется странной, мне тоже. Но согласишься, мне до этого не приходилось с ними близко общаться. Настолько близко.

Травница поежилась. Она не хотела признавать, что на короткое мгновение Илуор нид Энтан ее все же заинтересовал. Заинтересовал и тут же разбил хрупкий флер очарования, ведь благородные волчицы по чужим постелям не скачут, а человеческие девки должны быть довольны и благодарны. Мерзость.

– Я вот подумала, – понизив голос, произнесла Арфель, – неужели никто под ними не плачет?

– Я немного не успела за ходом твоей мысли, – оторопела Каэль.

– Соглашение. Когда оборотень склоняет замужнюю или вдову, неужели не бывает таких, что плачут? Понятно, нам запретили говорить нет. Но слезы – это произвольная реакция организма и...

– И им все равно, – грубовато сказала Каэль. – Да и слезы быстро высыхают, остается злость. Которая быстро исчезает.

Арфель уткнулась в чашку и в который раз себя выругала. Ну почему она постоянно делает Каэль больно?

– А ты знала, что императрица была согласна? – вдруг спросила Каэль, и травница поперхнулась чаем.

– Что?

– Да. Не знаю, зачем это было сделано, но Ее Императорское Величество была согласна, да еще и не один раз. Первый раз был освещен в газетах, чтобы простые смертные знали, что не только они расплачиваются за защиту. А вот второй раз постарались утаить. Но я в тот момент была во дворце и застала кусочек скандала. Оборотень специально пришел, а она его так же специально приняла. Она кричала Императору, что если он решил в политических целях торговать телом жены, то она планирует получить от этого удовольствие. Император был в ярости, – страшным шепотом поделилась Каэль.

– Но ведь у Императрицы свой дворец. То есть половина дворца. Женская. Как у всех благородных. – Арфель нахмурилась. – Как это могло произойти? Она же никуда не выходит, к ней могут войти только женщины. Ее никак не могли... Ты думаешь, что первый раз Император привел к ней оборотня сам? Специально?

– Я стараюсь об этом не думать, – серьезно ответила Каэль. – Потому что становится жутко. У нас не самый плохой Император, он позволил женщинам обучаться на факультете практической магии. Этого мало, но лучше, чем ничего. Он принял парочку толковых законов и вроде как двигался в очень приятном направлении. И тут бац! Я до сих пор не знаю, как к этому относиться.

Травница только тяжело вздохнула и допила чай.

– И я не знаю. Кошмар. А что ты делала во дворце?

– А, в очередной раз оббивала пороги в надежде получить бляшку боевого мага. – Каэль скривилась. – Не свезло. А что ты делаешь?

Госпожа Льефф как раз в этот момент поставила на большой табурет маленький и пыталась на все это залезть:

– Ищу свои травы. Скоро те самые дни, а они у меня ну очень болезненно протекают. Надо заранее приготовить отвар, иначе я всю неделю буду лежать пластом и плакать.

– А к целителю не пробовала сходить? Я сколько раз тебе говорила, что...

– А он сказал, что это мой организм протестует против нецелевого использования. Мол, дело женщины – ублажать мужа и рожать детей, а я пустоцветка, и потому у меня болит. И она не будет ничего делать, потому что это против природы. А к нашим мужчинам-целителям я сходить не смогла.

– Дорого?

– Стыдно, – Арфель вспыхнула до корней волос, – он же положит руку мне на живот. Голый живот!

Судя по выражению лица Каэль, подруга в этом проблемы не видела. Но спорить не стала – у них все-таки разная жизнь. Но, положив руку на сердце, госпожа Хемм была довольна своей жизнью. Да, были определенные трудности, но, глядя по сторонам... У нее все хорошо.

Илуор нид Энтан

Темная кровь пятнала светлый песок Арены. Шесть часов непрерывного боя, шесть часов выматывающей схватки, и первый круг завершен. Круг Силы.

– Ты с честью выдержал первое испытание, – с изрядной долей пафоса произнес Отец-Ворон, и нид Энтан криво усмехнулся. С честью. Ага, как же.

Сила всегда была на его стороне, от рождения и до сего момента. Кто он? Тот, кому не пришлось выть от отчаянных попыток сменить шкуру. Тот, кто пришел в этот мир сверх меры одаренным – и магия, и первородная сила. Он тот, кто рано или поздно поймет, что где-то свернул не туда. Но сейчас ему просто смешно – они так старались совладать с ним, что нарушили собственные правила. Шесть часов. Шесть. Никогда первый круг не длился дольше четырех. Никогда претенденту не наносили настолько серьезных ран.

– Ты был великолепен. – На залитую кровью арену ступила высокая, статная волчица. – Как, впрочем, и должен был. Только сильнейший способен надеть Рогатую Корону. И выжить.

– Астара рид Аверрим, моя драгоценная невеста, – Илуор чуть склонил голову и оскандился, – разве женщине дозволено наблюдать за кругом испытаний?

– Женщине вряд ли, но кто посмеет запретить мне? – с ледяным изумлением спросила Астара и подошла к нему вплотную.

Тонкие крылья ее носа трепетали, волчица жадно вдыхала терпкий аромат драки и крови. Илуор невольно залюбовался ею. Да и если судить объективно, то Астара рид Аверрим была очень красива. Высокая, почти вровень с нид Энтаном и на голову выше прочих волчиц. Крепкая и выносливая, большеглазая и пухлогубая – она была одной из сильнейших самок в Сером Доле. Несгибаемый характер и осознание собственной ценности изрядно портили характер леди рид Аверрим, но среди волчиц в принципе не водилось кротких и покладистых овечек. Потому Илуор не стал спорить и принял невесту с положенным смирением. Великий Вожак служит Серому Долу, и вся его жизнь подчинена служению объединенной стае. А значит, Аверрим более чем подходит на роль невесты и жены. Тем более что нид Энтан и рид Аверрим уже давно не пересекались, и, быть может, боги ниспошлют им несколько щенков. Быть может, даже больше двух.

"Пусть хотя бы двое будут", – поправил себя оборотень.

– Я должна исцелить твои раны, – холодно произнесла Астара и щелкнула пальцами.

В тот же миг к ней подскочил молодой волк и подал целительскую сумку. Илуор предпочел бы услуги профессионального целителя, но Серый Дол силен традициями. Если леди рид Аверрим решила прийти на Арену и выстояла под давлением толпы, она имеет право врачевать своего жениха. Правда, раньше волчицы делали это от большой любви. Астарой же двигало что угодно, кроме любви.

Он стоял в центре Арены, на залитом кровью песке, и со смиренным выражением лица терпел неласковые, жестокие прикосновения своей невесты. Волчица давила на глубокие рваные царапины, заливала их обеззараживающим раствором сверх всякой меры и споро, но грубо накладывала швы.

– Благодарю, Астара рид Аверрим, твои руки исцелили мою душу, – задумчиво произнес Илуор и коротко приказал: – А теперь возвращайся в свои покои. Следующий круг не для тебя.

– Никто не смеет мне указывать, – вскинулась Астара.

– Я – смею, – коротко ответил Илуор и посмотрел ей в глаза.

Больше он не сказал ни слова, но рядом с леди рид Аверрим появилось несколько оборотней из отряда нид Энтана. Волчице пришлось уйти, и, кажется, она была в ярости.

– Не стоит ожесточать сердце невесты, – с усмешкой произнес Отец-Ворон, последние несколько минут он наблюдал за действиями Астары. Наблюдал и чему-то улыбался.

Илуор усмехнулся:

– Думаешь, там есть что ожесточать? Астара – сильнейшая среди женщин, и уж ты-то должен знать, через что ей пришлось пройти, чтобы принять и удержать этот неофициальный, но очень манящий и почетный титул. Не удивлюсь, если когда-нибудь она рискнет бросить вызов кому-нибудь из бойцов.

– Например, тебе, – хмыкнул вороний жрец. – Мое время на исходе, но все признаки указывают на рождение новой жрицы.

– Жрицы? – с запинкой уточнил Илуор.

– Жрицы, – торжественно кивнул старик. – Серый Дол вновь ждет расцвет. Ты ведь помнишь время, когда каждая третья волчица владела даром?

– Нет, – удивился Илуор, – не помню. И ты, Отец-Ворон, тоже помнить не должен. Это было почти семь поколений назад.

Старик дребезжаще рассмеялся:

– А свитки-то ты читал? То-то же, знать – это почти то же самое, что и помнить.

Илуор пожал плечами: он не был согласен с вороньим жрецом, но спорить с ним – последнее дело, сам не поймешь, как в дураках останешься.

– Зачем же тебе ученик?

– А если я не доживу, кто передаст жрице знания?

– Как ты ее узнаешь?

Вороний жрец усмехнулся, прищурил не по-стариковски яркие глаза и задумчиво ответил:

– Сдается мне, что ее приведут охранители. Или они приведут ту, что родит нам жрицу.

– Ни в одной из стай охранители не появлялись, – уверенно произнес Илуор. – Они в людских землях, а значит, и привести могут только человечку. От человеческой женщины не может родиться волчица, только волк-полукровка.

Пожав плечами, старик кивнул в сторону выхода с Арены:

– Тебе пора. А что может или не может родиться от выбранной охранителями женщины – не нам решать. К тому же жрицей может оказаться и человечка. Такое бывало в нашей истории.

– Целый один раз, – хмыкнул Илуор.

– Тем не менее, – усмехнулся Отец-Ворон, – было. Мы слабеем, Илуор. Многочисленны лишь волки. От воронов остался я, мой ученик и его невеста. И далеко не факт, что у них будет ребенок. У кошек чуть получше, но там другая беда. Да что я говорю, ты и сам знаешь. Где-то в прошлом мы свернули не туда.

– Знать бы где.

– Прошлое не провернешь обратно, – серьезно произнес старик. – Не стоит и мечтать. Здесь, в настоящем, каждый из нас должен быть готов к плодам принятых решений. И совершенных ошибок. Много ли у тебя ошибок, Илуор нид Энтан?

Оборотень уверенно посмотрел в глаза старика и так же уверенно солгал:

– Я не совершал ошибок.

– Как скажешь, как скажешь, – покивал жрец. – Иди, тебя ждет круг Воли. Костры уже разожжены, тебе предстоит долгая ночь.

Арфель Льефф, травница

За две недели подруги отремонтировали второй этаж особняка госпожи Льефф. У Каэль появилась собственная комната, собственный ключ и собственный пропуск сквозь охранную систему. Арфель сказала всего один раз, но слова выбрала максимально простые: "Ты семья, и раз уж в столицу ты не возвращаешься, то будь любезна завести себе свою комнату, а не ютиться на продавленном диване". Каэль не нашла слов и вылезла на крышу – отдирать старые доски и приколачивать новые. Их ей подавала госпожа Льефф.

– Красота, – мечтательно произнесла госпожа Хемм и вытащила из воздуха бутылку вина. – Мы должны это отметить.

– Ага, – вяло отозвалась госпожа Льефф. – Мне как-то не очень хорошо.

– Ну это нормально. Во-первых, ты ждешь свою адскую недельку, а во-вторых, мы очень славно потрудились и мне, если честно, тоже нехорошо. Предлагаю завалиться на ковер в гостиной и отметить то, что у нас теперь эта самая гостиная есть.

– Я буду свой настой, его уже пора начинать принимать, – улыбнулась Арфель.

– На тебя как на собутыльника вообще рассчитывать нельзя, – фыркнула Каэль. – Потому я и не рассчитывала.

Госпожа Хемм скорчила смешную рожицу и осторожно спустилась с крыши по новой шаткой лестнице. Эта жуткая пародия на порядочную лестницу позволяла легко и быстро выбраться с чердака на конек крыши. Вот только у них уже не оставалось сил, чтобы сделать что-то приличное, а посему временно был изобретен заменитель из слюны и палок. Правда, Арфель боялась, что этот заменитель простоит до тех пор, пока не развалится, ведь нет ничего более "приживающегося", чем "пусть пока так постоит, а потом нормально сделаем". У нее весь особняк по такому принципу отремонтирован.

– Но ведь действительно стоит, – сказала Каэль и добавила: – Ты вслух сказала.

– Но лестница опасна, она словно обладает собственной волей и желает нам смерти, – забавно округлила глаза Арфель.

Пожав плечами, Каэль посмотрела на лестничного уродца и честно сказала:

– На ее месте я бы тоже желала нам смерти. Но! Мы не она, нас двое, и мы сильнее, а значит, победим.

На самом деле чердак уже больше нельзя было назвать чердаком. Теперь это была просторная личная гостиная двух подруг. Особняк госпожи Льефф обзавелся «полу-третьим этажом», правда, поднимись сюда кто-то выше среднего роста... Что ж, ему бы пришлось согнуть спину и вжать голову в плечи.

Каэль потянулась, взмахнула рукой, и на пушистый ковер, устилавший пол, слетелись все думочки и подушечки, что в изобилии покоились на диване и двух креслах. Подруги с

удобством устроились на полу, а Арфель подтянула себе под поясицу сразу две думочки, на что подруга ее тут же подколола:

– Старость пришла?

– Она самая, – ничуть не обиделась госпожа Льефф и левитировала поближе вазочку со сладостями.

Они молча уплетали конфеты, пили кто вино, а кто настой и время от времени вздыхали. Говорить не хотелось – да и зачем? Если тишина такая уютная и не давит, то грех ее нарушать.

– А ты знала, что оборотни забирают своих детей в Дол? – спросила вдруг Каэль.

– Ты чего вдруг? – оторопела госпожа Льефф.

– С моего места виден дом господина Тарса. Его жена понесла от оборотня и в итоге уехала в Серый Дол. Он не дал ей развод, а теперь локти кусает. По нашим-то законам он не разведен, значит, жениться по новой не может, – хихикнула Каэль. – А достать госпожу Тарс в Сером Доле руки коротки.

– А она просила его отпустить ее? – заинтересовалась Арфель.

– Да откуда ж я знаю, – возмутилась госпожа Хемм. – Я вспомнила-то про него только потому, что с крыши их дома неслабо так навернулась в густой малинник. Госпожа Тарс не хотела отдавать ребенка и выбралась с ним на крышу. Кричала, что лучше умрет вместе с ним. Я тогда практику проходила, ту, на которой потом с мужем познакомилась.

Арфель взяла конфету, развернула, откусила и задумчиво сказала:

– А ведь правда, у нас же повсюду должны быть полукровки. Где они?

– В Сером Доле или казнены, – пожалала плечами Каэль. – Если первый оборот происходит без какой-то ерундовины, которая есть только в Сером Доле, то сознание человека и зверя смешивается в неравных пропорциях. Или вообще местами меняется. Неправильно воспитанный полукровка – убийца. Вот они их и забирают. А вот почему полукровки так редко рождаются – не представляю, это скорее к тебе вопрос.

– Ко мне?!

– Ну травница – это почти целитель.

– Ничего себе "почти", это самое "почти" равняется десяти годам дальнейшего обучения, – проворчала Арфель. – И не забывай про пятилетнюю практику и обязательную покупку лицензии. Так что меня от целителя отделяет пятнадцать лет, пятьсот золотых и две меры колдовской силы. Поскольку меня сколько ни учи, толку не будет.

– Не ворчи, – отмахнулась Каэль. – Давай завтра на дикий пляж рванем? Хочу купаться, и не в дурацком платье, а нормально.

У Арфель потеплели щеки, нормально в понимании Каэль означало в исподнем. Но к таким выходкам госпожа Льефф была не готова. Хотя она тоже любила поплавать в теплой воде без дурацкого платья, но крайне редко себе это позволяла. Если только не выходила к лесному озеру. Вот только оно крайне редко бывало по-настоящему теплым.

Каэль не была бы собой, оставь она идею с диким пляжем. Маг-практик весь вечер провела за «вербальным воздействием»: уговаривала (ныла на одной ноте), угрожала (я выпью весь твой земляничный чай) и настойчиво убеждала (шантажировала плюшками с маком). В итоге уставшая донельзя Арфель согласилась, но тоже не просто так.

– Если ты отпугнешь всех остальных людей, – вздохнула госпожа Льефф и потерла нюющие виски. – Ты ужасна в переговорах. Seriously, разве так можно?

– С тобой? Только так и можно. Я поставлю такой пугач, что все случайные мимо проходящие люди будут падать замертво, – пафосно возвестила Каэль.

– Пусть лучше убегают, – фыркнула Арфель. – Я не хочу, чтобы кто-то увидел меня в белье, даже если после этого он упадет замертво.

Каэль захохотала и поспешно уточнила:

– А у тебя есть нечто особенное? Так если со стороны смотреть, то все в пределах нормы.
– Ты поняла, что я хотела сказать, – буркнула покрасневшая Арфель. – Ключевое – белье. Я не хочу, чтобы по Ондиниуму ползли слухи о цвете моих... моего... Обо мне, в общем.

– Видела бы ты то, что в столице называют бельем, – закатила глаза госпожа Хемм. – Кружевная сказка. Кстати, я прикупила себе пару комплектов, могу показать.

– Спасибо, не нужно, – фыркнула госпожа Льефф.

– Зря, – пожалала плечами Каэль.

Этот разговор состоялся вчера, и сейчас, стоя перед шкафом, госпожа Льефф корила себя последними словами. Надо было держать оборону и не соглашаться. Или предложить подождать пару недель и выбраться на несколько дней к лесному озеру. Все-таки дикий пляж довольно популярное место, туда отправляются купаться самые дерзкие девицы Ондиниума, и, соответственно, в кустах прячутся юноши. Не каждому по карману билет в телесный театр, а нравы в провинциальном городишке строгие. И близость к Серому Долу совершенно не спасает. Так что у бедных, но любопытных юношей (да и у мужчин тоже) не так много возможностей увидеть обнаженную женщину.

Крепко подумав, Арфель решила найти середину между бельем и платьем – она вытащила из недр шкафа зеленую блузку. Короткий рукав и длина до середины бедра – не испортит удовольствие от купания, и никто не увидит ничего лишнего. Конечно, бедра и колени госпожа Льефф тоже предпочла бы прикрыть, но купальные платья – это настоящее издевательство!

Пока Арфель страдала у шкафа, Каэль деятельно собирала пляжную корзинку: побольше еды и питья, плотное покрывало и два полотенца. Зонтик от солнца будет лишним, решила госпожа Хемм.

– Ты скоро? – крикнула она и улыбнулась, услышав ворчливое:

– Уже готова.

– Я по такой жаре не готова идти пешком, – сказала Каэль, когда Арфель зашла на кухню. – Я заказала извозчика.

– Это дорого, – нахмурилась госпожа Льефф.

– На обратном пути обязательно сэкономим, – усмехнулась госпожа Хемм.

Тренькнул колокольчик на входной двери, и Арфель поспешно вышла в зал.

– Доброго денечка, госпожа травница. Мне бы настой для поправки здоровья, – смущенно пробасил невзрачный мужичок.

– Винная лавка ниже по улице, – неприветливо буркнула последовавшая за подругой Каэль.

Арфель шикнула на нее и обратилась к мужчине:

– Доброго дня, что у вас стряслось?

– Дык сестра-то ваша правильно сказала. Вино бы мне отменно помогло, а лучше темное пиво. Или пару стопочек самогона, да, – мужичок мечтательно облизнулся и тяжело вздохнул, – но нельзя. Ежели я супруге на глаза попаду с перегаром, то от встречи с богом меня никто не спасет. Вот мне бы мяты пожевать или еще чего.

Вздохнув, Арфель призадумалась, что из ее трав может убрать запах перегара. Гвоздика? Но это всем известно, мужичок сразу попадет под подозрение.

– Я тебя прокляну, – коротко произнесла Каэль и, пока подруга не успела ее остановить, добавила: – Чтоб рядом с тобой все обоняние теряли. На три часа, а там как хочешь выкручивайся. И в лавку не возвращайся, выходной у нас.

Мужичок был счастлив, пытался всучить госпоже Хемм деньги, но та гордо отказалась (закон запрещает проклинать людей за деньги). Тогда осчастливленный проклятьем страдалец с гордой улыбкой выложил на стол кулек подтаявших карамелек.

– Лакомьтесь, красавицы, – подмигнул он и ушел походкой абсолютного счастливого человека.

– Нельзя проклинать людей направо и налево, – проворчала Арфель.

– А я ни направо, ни налево не проклинала, я ж прямо перед ним встала, – притворилась дурочкой Каэль и подпихнула подругу в бок. – Идем скорее, пока какой-нибудь чахоточный здыхлик не явился. И без твоих нотаций – травников в Ондиниуме достаточно. Давай, ты же без меня работаешь как тяговая лошадь. Считай, что ты в отпуске.

– А потом мы с тобой с голоду помрем, потому что люди отвыкнут приходить за травами ко мне.

– У меня есть деньги, – отмахнулась Каэль.

– На счету, – кивнула госпожа Льефф. – Но, когда они кончатся, прокормит нас только моя лавка. Так что это наш последний выходной. Купаться можно и на закате. И вообще, еще пара дней, и надо думать о новой вылазке в лес.

– Думать с ужасом или с предвкушением? – уточнила госпожа Хемм и щелкнула пальцами. Из кухни, прямо по воздуху, выплыла корзинка.

– Не знаю, – честно сказала Арфель. – Вообще, я уже успела решить, что больше никогда не пойду. Но, как ты знаешь, такие мысли меня посещают едва ли не раз в месяц. Особенно зимой.

– Ага, когда ты разбудила медведя, – покивала Каэль. – Было забавно.

– Не очень, – скривилась госпожа Льефф.

– Но теперь у нас есть роскошная шкура. Осталось только камин сделать более подходящим для такой шкуры. Идем скорей, извозчик долго ждать не будет.

Уже в дверях подруги столкнулись с господином Трентом-старшим.

– Уходите, госпожа Льефф? – обеспокоенно осведомился он.

– Вы что-то хотели? – нахмурилась Арфель.

– Поговорить, – чуть смущенно ответил мужчина и покосился на Каэль.

– Я выйду и встречу извозчика, если ты через пятнадцать минут не появишься – я сотворю что-нибудь общественно опасное, – выразительно сказала госпожа Хемм и вышла.

Вздыхнув, Арфель отошла от двери и коротко спросила:

– Чем я могу помочь?

Господин Трент вытащил платок, обтер лоб от пота и задумчиво спросил:

– Вы не можете отменить свои дела? Разговор предстоит сложный, и я предпочел бы вести его неспешно.

Сложив руки на груди, травница вежливо, но непреклонно произнесла:

– Я не изготавливаю запрещенные законодательством зелья, настои и травяные смеси, равно как и не осуществляю иную запрещенную колдовскую деятельность.

Мужчина несколько натянуто рассмеялся, вновь обмахнул лоб и, чуть подавшись вперед, доверительно произнес:

– Ох, нет, я не об этом. Я хотел поговорить о моем сыне. Родном. Да.

– Он болен?

Господин Трент стиснул многострадальный платок, смущенно улыбнулся и поразил травницу наповал:

– Вами. Он болен вами. Если бы вы подумали, то смогли бы понять, что мой сын не самая плохая партия. Вам бы не пришлось трудиться – я собираюсь назначить ему пожизненную ренту. Да и жить с госпожой Хемм вам бы тоже не пришлось. Понимаю, у вас финансовые трудности и вы вынуждены приютить эту женщину, но...

Вообще-то Арфель редко злилась. Травница не была склонна к резким вспышкам злости или припадкам ярости. Но сейчас ее семья состояла из двух человек: ее самой и Каэль. А семья для госпожи Льефф – святое.

– Эта женщина – Каэль Хемм, моя подруга, моя сестра и мой самый родной и близкий человек. А ваш сын, господин Трент, уже был в этой лавке и вел со мной подобный разговор.

Правда, он сразу перешел к угрозам и прямо заявил, что планирует сделать из меня подстилку, минуя храм и магистрат, – зло отчеканила она и жестко, безапелляционно добавила: – Я более не желаю видеть семейство Трент в своей лавке.

– Но...

– Вы вполне можете присылать слуг за настоями, – ледяным тоном оборвала все возражения Арфель. – Я сдохну, но за вашего сына замуж не пойду.

Господин Трент спрятал платок в карман и, пытаясь удержать лицо, коротко произнес:

– Как бы тебе не пожалеть об этом, травница.

В этот раз Арфель не сдержалась и зло прошипела:

– Вам следует думать, что и кому вы говорите, господин Трент. Мой отец, мой настоящий отец, скотина, и вся его семья такая же. Но они слишком любят власть, слишком дрожат над своей репутацией и слишком, слишком упиваются чужими страданиями. И если я уведомя их... О, я уверена, уже через сутки жалеть будете вы. Не потому, что я дорога им, а потому, что им нравится процесс наказания. Всего доброго, господин Трент. Здоровья вам и вашей супруге.

Он побледнел. Голой ладонью утерев взопревший лоб, мужчина сделал несколько шагов к двери.

– Раньше вы не козыряли своим родством с ... – Тут господин Трент помялся и так и не решился произнести фамилию отца Арфель вслух.

– Раньше мне не угрожали, – зло ответила госпожа Льефф. – Вы отчаялись справиться с сыном и хотите купить ему игрушку, чтобы он был занят издевательствами над женой и не позорил вас в городе. Все ведь уже знают, как он жесток со служительницами телесного театра.

– Это лишь слухи, – поспешно возразил господин Трент. – Недостойные сплетни.

– Они покупали у меня оч-чень много характерных настоев, – криво улыбнулась Арфель.

Мужчина резко развернулся и вышел на улицу. Не прощаясь. В каком-то смысле госпожа Льефф его понимала: с таким сыночком ей бы на улицу было стыдно выйти. Но это не повод пытаться решить проблемы за ее счет. Абсолютно не повод.

– Я уже собиралась поджечь что-нибудь, – хмыкнула Каэль, когда Арфель забралась внутрь кареты.

– Да, я тоже, – задумчиво протянула госпожа Льефф. – Мне сделали потрясающее брачное предложение, а после жестоко оскорбились, когда я отказалась от одного предложения.

– Ого. А чего это они? Раньше вроде не сватались.

Арфель пожала плечами. Теперь и ей не терпелось попасть на пляж. Хотелось скинуть одежду, заплывать подальше и просто лечь на воду. Раскинуть руки и позволить себе просто плыть по течению. Хоть немного. Капельюшечку тишины и покоя она однозначно заслужила.

– Идешь? – тихо спросила Каэль.

– Угу.

Иногда Арфель позволяла себе представить, что было бы, не оставь отец ее мать. Самой большой тайной госпожи Льефф было то, что на самом деле ее мать и отец состояли в браке. Просто разошлись до того, как матушка узнала о беременности. А после... А после матушка начала чудить и ничем хорошим это не закончилось.

«Хотя как сказать – тайна, – хмыкнула про себя Арфель, – Каэль знает, вся та безумная семейка знает. Не тайна, а так, секретик».

– Странно, такая погода хорошая, а никого нет, – растерялась госпожа Хемм. – Я полдороги готовила змеиный призыв. Ты же не боишься змей?

– А с нами вновь Каэль-главное-вовремя-спросить-Хемм, – рассмеялась Арфель. – Не боюсь – как бы я в лес ходила?

– Чудно, – госпожа Хемм хлопнула в ладоши, – тогда вперед!

Госпожа Льефф сосредоточилась и создала небольшую иллюзорную ширмочку. Зайдя за нее, она быстро сняла юбку, чулки и жилет. Оставшись в зеленой блузке, Арфель развеяла ширму и чуть поморщилась от легкой дурноты – сегодня колдовать было особенно тяжело.

– Вода как парное молоко! – крикнула Каэль. – Давай скорей!

Но Арфель не могла оставить свои вещи валяться на песке. Как и вещи подруги. Она аккуратно собрала одежду и положила на плоский чистый камень. Только после этого госпожа Льефф осторожно ступила в воду. Та и правда была исключительно теплой.

Несколько минут госпожа Льефф с большим удовольствием ныряла, касалась пальцами дна и, задержав дыхание, замирала внизу недвижимой фигурой. Каэль в это время нарезала круги где-то в стороне.

Легко раскинув руки, Арфель оттолкнулась от дна и резко всплыла. О чем сразу же пожалела – во-первых, низ живота пронзило острой режущей болью, а во-вторых... Ох, на фоне «во-вторых» боль меркла – на берегу сидели белые волки. И выли.

– Это они? – Каэль уже была рядом с подругой. – В воду не идут, странно.

– Я сейчас сдохну, – выдавила Арфель.

– От страха?

– От боли, – едва шевеля побелевшими губами, выдохнула госпожа Льефф.

Это было последнее, что она сказала.

Илуор нид Энтан

Гулкая пустая пещера была заполнена зеленовато-желтым цветом. В благоговейном молчании Илуор нид Энтан застыл перед огромным хризолитом. Главная реликвия Серого Дола – черное тотемное дерево, заключенное в хризолит. Изогнутые ветви покрыты листочками: каждый листик – это ныне живущий оборотень. И несколько голых ветвей – исчезнувшие стаи.

Илуор видел дерево впервые – в жреческую пещеру не ходят без приглашения. Во-первых, это запрещено, а во-вторых, шутки у Отца-Ворона с каждым годом становятся все злее и злее. Тем не менее, получив записку, Илуор не стал откладывать визит и поспешил к жрецу. Хотя сделать это было довольно затруднительно – он еще не успел отойти от испытания Воли.

Сейчас он стоял перед деревом и жмурился, когда оно начинало особенно сильно сиять. По волевому лицу скользили блики, превращая оборотня в героя гравюр прошлого.

– Ты по-прежнему уверен, что не совершал ошибок? – с усмешкой спросил Отец-Ворон, когда пауза затянулась.

Илуор, не отводя взгляда от хризолита, сухо ответил:

– Не стоит называть ребенка ошибкой.

– Ребенка определенно не стоит так называть, а вот неумение сдерживать неуместные порывы – определенно стоит, – почти равнодушно сказал старик. – Ты прошел круг Воли, и через несколько часов твоя невеста будет стоять здесь, в пещере. Что же она увидит? Что на ветви нид Энтанов появилась крошечная почка. Будущий листок. Посмотри, какой дивный серебряный оттенок – ребенок будет щедро одарен.

Оборотень протянул руку и коснулся прохладной поверхности хризолита. Подчиняясь его желанию, дерево переместило ветвь нид Энтанов ближе. Вид крошечного уплотнения на черноте дерева заставил Илуора испытать странное, но определенно приятное чувство.

– Как ты заметил? Дерево огромно, а камень не слишком-то прозрачен.

– Только листьев на нем почти нет, – хмыкнул старик. – Я не заметил, я почувствовал изменения. Все-таки меня жрецом не за размах крыльев назвали.

– Тебе не кажется, что она засыхает? – нахмурился оборотень.

– Маленький срок, – пожал плечами Отец-Ворон. – Очень маленький. Если это человечка – то может и скинуть, если волчица... То ее стоит найти.

– Точно не волчица, – уверенно ответил Илуор. – Перед тем как покинуть Ондиниум, я был с человеческой женщиной. Имя и внешность должен знать Риэл, он нашел ее.

Старик хмыкнул и с интересом спросил:

– Ты был так увлечен?

– Меня настиг гон, – скривившись, ответил оборотень.

Отец-Ворон резко вскинулся и направился к выходу из тотемного зала. Илуор последовал за ним. Пройдя по узкому извилистому каменному коридору, они попали в небольшой, жарко натопленный кабинет.

– Ты летом топишь печь?

– Я старик, и моим костям мало просто знать, что наступило лето, – усмехнулся жрец. – Скажи мне, Илуор нид Энтан, разве ты юный волчонок, что ныряет в гон по три раза за месяц?

Илуор прикрыл глаза и тяжело вздохнул:

– Я был ранен, довольно серьезно. Иногда, когда регенерация не справляется, а соглашение не помогает...

– Ты не смог получить энергию от согласенной? – с недоверием спросил старик.

Пожав плечами, нид Энтан спокойно ответил:

– Так вышло.

Оборотень не собирался рассказывать, что банально не смог возлечь с зареванной, перепуганной, трясушейся девицей. Где только Риэл ее нашел? Обычно нид Энтан предпочитал тех, кто предлагал себя сам. Он не подходил к женщинам на улице или в приличных ресторациях. На самом деле, за все время своей жизни он воспользовался Соглашением всего трижды. И да, в эти три раза входила и та девица.

– И ты решил справиться своими силами, – констатировал старик.

– Ситуация не была критической, – уверенно солгал Илуор. – Но в Ондиниуме я рухнул в гон, и Риэлу пришлось найти мне, кхм, все время забываю, как люди их называют.

– Ты заплатил девушке за услуги?

– От моего имени, – уклончиво ответил Илуор.

– Ты считаешь это нормальным? Как ты будешь искать своего ребенка и как ты будешь объяснять стае, почему от матери твоего будущего ребенка за три дневных перехода разит сотней чужих мужчин? Ты по-прежнему считаешь, что не совершил ошибки?

Нид Энтан рыкнул:

– Я не понимаю, к чему ты ведешь, старик.

– Только к тому, что есть вещи, которые нельзя перекладывать на помощников и друзей. Я не удивлюсь, если твой ребенок – будущая жрица. Вот только если родится девочка, как ты убедишь ее мать остаться здесь?

– От союза оборотня и человека не может родиться девочка.

– От союза оборотня и человека не может родиться волчица, – устало ответил старик. – А вот сильная колдунья – вполне. Это происходит крайне редко, и ни одна из рожденных в таком союзе колдуний не осталась здесь. В Сером Доле могут жить только оборотни и кшэртрии, естественно, что никто не хочет оставаться.

Нид Энтан с прищуром посмотрел на жреца. К чему тот ведет? Хочет открыть Дол людям? Изменить законы, что служат оборотням верой и правдой уже бесчисленное количество лет?

– Охранители, – внезапно произнес Илуор. – Могли ли они из-за нее уйти?

– Не "из-за", а "к". Скорее всего, они сейчас рядом с матерью будущей жрицы.

– Я поеду в Ондиниум. Мы не можем потерять шанс на возрождение Серого Дола, – решительно произнес Илуор.

– Чудно, я уж начал волноваться, что Риэла отправишь.

– Я не дурак, Отец-Ворон.

Старик на это только плечами пожал. Мол, как знать, как знать.

Илуор поднялся, коротко попрощался и подошел к двери.

– Ты же понимаешь, что не имеешь никакого законного права забрать сюда беременную женщину? Мы забираем полукровок в возрасте четырех-пяти лет, – бросил ему старик. – Тебе придется убеждать и упрашивать. Если ребенок родится здесь, в пещере, у хризолита – это будет сильнейшая жрица в истории. Если нет – что ж, будем ждать следующую. Но дождемся ли?

Нид Энтан ничего не ответил, только до хруста стиснул зубы и вышел. Он привезет ее сюда. Любой ценой. Кем бы она ни была и под кем бы он ее ни обнаружил.

Глава 6

Арфель Льефф

Арфель медленно выплывала из розовато-золотистого тумана, в котором блуждала несколько часов. Ей никогда не снились настолько странные сны – сны, наполненные жгучим желанием и неопознанными, но очень приятными ощущениями.

Распахнув глаза, Арфель узнала свою уютную спальню и, у окна, скорбную фигуру Каэль.

– Знаешь, если бы я знала тебя чуть меньше, – маг-практик сразу поняла, что подруга пришла в сознание, – я бы оскорбилась. Я бы билась в падучей и вопрошала, какого такого хрена ты ни черта мне рассказала. Когда, с кем и почему.

Каэль замолчала, а госпожа Льефф преисполнилась искреннего недоумения, но не стала перебивать подругу. Она тоже прекрасно знала крутой и упертый нрав госпожи Хемм и понимала, что той нужно высказаться. Иначе диалог не получится.

– Но я знаю тебя и знаю, что для такого щекотливого разговора ты бы пыталась подыскать идеальное время. Которого на самом-то деле не существует. – Каэль покивала сама себе и отвернулась от окна. – Но, черт возьми, Арфель, к чему было рисковать жизнью ребенка?!

Госпожа Хемм поперхнулась воздухом и возмущенно воззрилась на подругу:

– Каким ребенком, Эль?!

– Твоим. Нашим? Я буду крестной матерью, и это не обсуждается, – госпожа Хемм мечтательно улыбнулась, – если это будет девочка, то я научусь заплетать чудные косички. Правда, Ондиниум придется покинуть – бастарду здесь жизни не дадут. Зато в столице нравы проще, да и можно солгать, что ты была замужем, но муж погиб. Но выезжать надо в ближайшее время. С мастера Дэррика я взяла колдо-слово, он не выдаст.

– Остановись, Каэль. Я не могу быть беременна. никоим образом, – уверенно, с каплей насмешки произнесла Арфель. – Если ты, конечно, не имеешь в виду концепцию непорочного зачатия. Но я не думаю, что это возможно.

– Ты издеваешься? – раздраженно спросила Каэль. – Seriously, концепция непорочного зачатия? Откуда только слово такое выискала – «концепция», оно даже в столице непопулярно!

Скрипнула дверь, и в спальню вошел кто-то еще. Арфель напряглась, с постели ей было не видно дверь, но голос мастера Дэррика она бы узнала из сотни других:

– Моя пациентка может говорить правду.

– Все могут говорить правду, – огрызнулась Каэль, – но почему-то предпочитают лгать. Или вы верите в «ветром надуло»?

– Ветром – не ветром, но я теперь знаю, что меня так смутило в ауре госпожи Льефф.

Целитель наконец прошел к центру комнаты, и Арфель смогла его увидеть. Темные густые волосы мастера была всклокочены, как будто он постоянно запускал в них пальцы. Под зелеными глазами залегли тени, а у губ притаилась горькая складка.

– Здравствуйте, мастер, – улыбнулась Арфель, вспоминая о манерах. – Приношу свои искренние извинения, что вам пришлось наблюдать меня не в лучшем виде.

– И вы здравствуйте, госпожа Льефф, – вздохнул целитель. – И ваш вид был не худшим, что мне довелось наблюдать на этой неделе.

– Мне бы про ауру подробности, – напряженно произнесла Каэль.

– С легкостью. Как я сказал вам, госпожа Хемм, меня смущают темные области вокруг головы госпожи Льефф. И сейчас, как следует порывшись в старых справочниках, я могу с уверенностью сказать, что кто-то или что-то воздействовало на память моей пациентки.

– И вы не смогли сразу это опознать? – сощурилась Каэль.

– В том-то и дело, что это очень нетипичное воздействие. Обычно аура выглядит так, будто кто-то вырвал из нее кусок и неловко сшил края. При этом человек и сам может понять, что у него забрали часть жизни, ведь будет момент, который он не помнит.

– Но у меня нет провалов в памяти, – тихо сказала Арфель. – Я все помню очень четко, никаких... стандартных симптомов.

Мастер Дэррик резко кивнул и добавил:

– И это ужасно, на самом деле. Сейчас, видя это пятно, мы можем его убрать. То есть не мы с вами, а в целом его можно убрать. Память не повреждена, она заменена, и заменена профессионально. Вот вы, госпожа Льефф, можете припомнить что-нибудь нетипичное для себя?

Она покачала головой:

– Все в пределах нормы.

– Вы почистить память не сможете, – уверенно предположила Каэль.

– Не мой уровень. Я лучший целитель Ондиниума, но не серебряный имперский врачеватель, – тяжело вздохнул мастер Дэррик. – Да я бы и не советовал, на самом деле.

– В смысле?! – поразилась Арфель. – Кто-то меня... А я не буду этого знать?

– А если это было больно и страшно, – тихо спросил целитель, – вы уверены, что хотите это знать? Если вы решитесь, то я вызову серебряного врачевателя через свою почту. Тогда вам не придется оплачивать его дорогу.

– Мы обсудим этот вопрос, – сказала Каэль. – Что вы скажете в целом? Ей можно вставать?

– Вставать можно, но следует избегать использования магии и перетаскивания тяжестей. Срок очень маленький, дня три назад я бы даже не смог с точностью указать на беременность. Так что если вы желаете выносить этого ребенка, то берегите себя. Если нет, то...

– Спасибо, мастер, – прервала его Арфель. – Что делать, если беременность нежеланная, я знаю. В этом, как правило, помогают травы. А я, как вы помните, травница.

– Я зайду завтра, проверю ваше состояние, – усмехнулся мастер Дэррик.

Каэль вышла проводить его, а Арфель устало откинулась на подушки. Она беременна? Реально? Вот прямо сейчас, сию секунду, внутри нее происходят всякие штуки, из которых в итоге получится маленький человечек?

Положив руку на плоский живот, травница попыталась поверить. Но, если честно, у нее это как-то не очень получалось.

– Тебя выдает аура, она полна вины и скорби, – задумчиво произнесла Арфель.

– Я успела обидеться на тебя, – тихо сказала вернувшаяся Каэль и присела на постель. – Я столько всего попередумала.

– Ты не сказала ничего обидного, – отстраненно ответила госпожа Хемм. – Если бы... Если бы я помнила, я бы действительно искала подходящий момент. Как тогда, с шарфиком.

– Момент ты выбрала отвратительный, я тебе скажу. Тогда. Я едва насмерть не задохнулась, когда чай пошел не в то горло. С тех пор не люблю чай – вино, знаешь ли, так меня не подводило, – хмыкнула Каэль. – Как ты?

– В шоке. В ужасе. Кажется, я собираюсь поплакать, потом умыться, поесть и озвучить решение.

– Или принять его?

– Я уже приняла, – Арфель усмехнулась, – а сейчас оставь меня, пожалуйста, одну. Я имею желание давиться слезами и, закусив уголок подушки, рассказывать мирозданию, где именно оно напортачило.

– Заварю земляничный чай. И поставлю тесто, – кривовато улыбнулась Каэль и встала. – Если что-то понадобится – кричи.

Арфель только кивнула и укрылась одеялом с головой. Сдерживать слезы было уже невозможно, и они лились по щекам. Свернувшись калачиком, она расслабилась и позволила эмоциям течь сквозь нее. Боль, скорбь, гнев. Кто посмел? Кто, мать его, посмел? Страх, ужас, паника. Как это было? Больно? Он бил ее или связал? Надежда. Она должна знать, кто это, чтобы исключить его из своей жизни. Если он слишком высокопоставлен – она будет интриговать, она пригрозит публичным разбирательством. Если он обычный человек, то подвластен суду, а значит, им с ребенком ничего не будет угрожать.

Вытерев слезы, Арфель выбралась из-под одеяла и тут же покрылась румянцем – она была полностью обнажена. Ох, мастер Дэррик видел ее обнаженной?!

«И не только он. Кто-то еще видел тебя обнаженной, трогал тебя. Возможно, даже кусал», – зло подумала Арфель и содрогнулась от отвращения. Она не чувствовала в себе никакой любви или симпатии хоть к кому-нибудь, а значит, это не могло быть добровольным решением.

«Может, и правда не стоит вспоминать?» – мелькнула подленькая, слабенькая мыслишка. И следом за ней другая: «И ходить как ни в чем не бывало, а потом узнать, что таких вот «темных пятен» на ауре больше пятидесяти?»

И эта вымышленная цифра так испугала ее, что она чуть не рухнула на пол. Но удержалась и, наскоро одевшись, устремилась на кухню. Решение принято и обжалованию не подлежит.

Бросив последний взгляд в зеркало, Арфель тяжело вздохнула: сейчас бы накинуть легкий морок, чтобы скрыть покрасневшие глаза и опухший нос. Но мастер Дэррик ясно и недвусмысленно указал, что делать нельзя, а что можно. И магия, и без того невеликая, оказалась под запретом.

"Перед сном нужно будет сесть и составить список вопросов к целителю, – отстраненно подумала Арфель и вышла на лестницу. – Уточнить, какой именно витаминный состав мне более всего подходит, когда можно будет использовать магию и стоит ли продолжать работу в лавке. На двадцать золотых особо не разгуляешься, но, вообще-то, прожить можно".

И тут озарение, как молнией: "Я собралась вызывать серебряного врачевателя, а сколько он запросит?!"

– Ты планируешь спускаться? – с интересом спросила Каэль и продолжила: – Я, знаешь ли, следилку бросила на лестницу. А ты прямо в нее наступила и стоишь, бесишь.

Болтовня подружки помогла Арфель преодолеть неожиданный ступор, и травница все-таки спустилась.

– Да я просто представила, сколько может стоить вызов имперского врачевателя, – вздохнула госпожа Льефф.

– Сколько бы ни стоил, – серьезно произнесла Каэль. – Оборотни нарушили Соглашение.

– А если нет? – Травница шмыгнула носом. – Вдруг на меня умопомрачение нашло? Или, не знаю, какого-нибудь дурмана нанюхалась? Это ведь будет недоказуемо!

– Пошли чай пить, там из пекарни сладкие лепешки принесли, – вздохнула госпожа Хемм. – Решение принимать тебе. Да и потом, вернуть воспоминания и обратиться в суд – это два разных процесса.

Арфель согласно кивнула и последовала за подругой на кухню.

– В лавку ломились, – обстоятельно докладывала по дороге Каэль. – Я вначале хотела всех по матушке направить, а оказалось, это твои постоянные клиенты – видели, как я тебя по улице левитировала. Натащили меда, орехов, солений. Собственно, за лепешки из булочной я тоже не платила.

– А, у сына пекаря была стыдная болезнь, а признаваться отцу он побоялся, – со смешком припомнила Арфель.

– Срамная, – закатила глаза госпожа Хемм. – Если уж используешь такие обороты, то используй правильно!

– Стыдная, – уперлась госпожа Льефф, – срамная – это когда мужчина болезнь из телесного театра приносит. А юный господин Кват решил поразить свою нареченную меткой стрельбой из лука. Так мало того, что стрела попала ему в зад, так он еще и догадался сам ее вырвать. Вырвал, от боли оступился и сел на раскаленную печку.

Каэль поперхнулась смешком и с интересом спросила:

– А что нареченная? За тобой побежала?

– Нет, что ты. Это он сам прибежал, его ж никто не видел. Он же парень умный, как он сам мне сказал, и решил потренироваться. Я, с дури, посоветовала ему арбалет прикупить, из него вроде целиться легче. Так недавно видела его с забинтованной рукой. Не знаю уж, арбалет тому виной или еще чего.

– Вот бестолочь.

– Влюблен.

– Когда свадьба?

– Они на дом откладывают, в Ангоке строиться хотят, – осторожно сказала Арфель.

Каэль помрачнела, и госпожа Льефф сочувственно погладила подругу по руке.

– Я так уговаривала своего ненаглядного отстроиться там, – задумчиво произнесла госпожа Хемм. – Да не страдай ты, у меня давно уже все отгорело. И уж поверь, я умею делать так, что оборотень от соглашения страдает больше, чем я.

– Кусаясь? – предположила Арфель.

– Пф, кусаться – это подход дилетанта. Понимаешь, мужчины очень трепетно относятся к своим, научно выражаясь, гениталиям. И если посмеяться, но не нарочито, а как бы про себя, то их заедает. Звучит глупо, но на душе становится полегче, когда понимаешь, что энергию он восстановил, а осадок явно остался.

Пожав плечами, Арфель спросила:

– Получается, что они вытягивают из нас магию?

– Нет-нет. – Госпожа Хемм взмахнула рукой и чуть не отправила на пол свою чашку. – Не то чтобы кто-то стремился объяснить, но я делала замеры. Со мной ничего не происходило ни до, ни после. Затем я начертила руну под кроватью – ну надо же какой-то интерес с этого иметь, верно? И вот оттуда информация пошла интересней. Соитие запускает какой-то процесс внутри самого оборотня. Правда, почему они в таком случае не могут обойтись сами собой? В смысле, помочь себе руками? Непонятно.

– А объяснять никто не спешит, – кивнула Арфель. – Что произошло на реке? Как ты меня вытащила?

Каэль приосанилась, и госпожа Льефф поняла, что подруга сейчас вновь напомнит о своем магическом потенциале.

– Перед тобой маг-практик, – с кривоватой, но широкой улыбкой произнесла госпожа Хемм. – Когда ты плавно и даже почти красиво ушла под воду, я запаниковала. Так запаниковала, что шарахнула по берегу струей небесного пламени.

– Ничего себе, – поперхнулась Арфель.

– Потом спохватилась, что делаю немного не то, и нырнула за тобой, вытащила, а эти твари стоят на расплавившемся песке и скалятся на меня. А кто может выжить в небесном пламени?

И госпожа Хемм замолчала, давая подруге возможность ответить, как будто это лекция в Академии.

– Кто?

– Духи, – уверенно припечатала Каэль.

– Сожалею, но они выглядят иначе.

– Хм, то есть ты рассматриваешь гипотезу, что один из тех волков способен выставить щит восьмого уровня? Не хочу тебя расстраивать, но умственный потенциал этих животных не слишком высок. А про магический я и вовсе промолчу.

– Может, это не волки. Может, это какие-то волковидные твари.

– Волковидные твари, ага. Некроманты восстали из небытия и обратились волками, – фыркнула Каэль, – или нет, что ты. Это, наверное, были порождения демонической магии. В самом мягком подбрюшьи Империи, поблизости от Серого Дола.

– Ладно, допустим, это духи. Допустим. И что дальше?

– А дальше я использовала знак, отвращающий духов, – с легким превосходством сказала госпожа Хемм, – закинула тебя на плечо и вышла из воды. Если бы я могла хотя бы предположить, что ты ждешь ребенка... Но мастер Дэррик заверил меня, что вреда я нанести не могла.

– И они исчезли? Духи?

Тут Каэль чуть поморщилась и честно признала:

– Не так, как должны были. Они отошли в сторону и сопровождали нас всю дорогу до города. Потом появились у дома, но остались за калиткой. Я на всякий случай все столбы своей кровью измазала и пару старых заговоров прочла.

Арфель допила чай и взяла горсть орехов:

– Если в жизни в один момент происходят два страннейших события, то велика вероятность, что они связаны между собой.

– И твое решение? – Каэль подалась вперед.

– Вызвать врачевателя и вернуть память, – уверенно сказала Арфель. – Или ты о ребенке? Эль, мы столько лет знакомы, и ты правда думаешь, что я могла бы...

– Значит, я крестная. Надо учиться заплетать косички.

– Не на мне, – тут же отказалась травница, – спасибо, я еще помню, как ты мне прическу делала. Половину волос повыдирила.

Подруги еще немного поболтали, потом Каэль занялась подошедшим тестом, а Арфель отправилась инспектировать свои запасы. Будет глупо, если она, весьма и весьма подкованная травница, не использует собственный талант на пользу будущему ребенку. В этот момент она остановилась и вновь приложила руку к плоскому животу. Ну неужели там правда кто-то есть? Живот совершенно обычный, плоский. Нет, конечно, она знает, что круглое пузо появится значительно позже. Но все ее знакомые с сияющими глазами заявляли, что "сразу почувствовали". Врали, что ли? Что, мол, как только в тебе зародится новая жизнь, ты сразу себя почувствуешь по-другому. Но, как бы Арфель к себе ни прислушивалась, ничего, кроме желания завалиться в постель с книжкой, не обнаружила.

"Надо, наверное, подождать, – решила травница и заставила себя пойти к полкам с ингредиентами, а не в спальню к книжному шкафу. – Сначала дело", – строго сказала она сама себе.

Илуор нид Энтан

Запах крови дразнил обонятельные рецепторы, а вид поверженного врага заставлял уставшее тело наполниться пузырящейся радостью и довольством. Но Илуор был слишком силен и слишком рассудочен, чтобы позволить себе раствориться в победе и забыть о причине боя.

– Приведи себя в порядок, ти-Риэл, свободный боец волчьего клана.

И ти-Риэл, боец-изгнанник, не осмелился возразить своему бывшему командиру.

Рядом с ареной находился свободный дом, где прислуживали мальчишки-полукровки. Там всегда была горячая вода для омовения, простая чистая одежда на смену изорванной и вареное мясо. Все, что нужно оборотню после хорошего боя.

– Мне нужна помощь целителя, – тихо сказал ти-Риэл.

– Ты должен помнить, что в свободном доме есть только вода, еда и одежда. Если ты жив, то регенерируешь сам, если не сможешь... Значит, такова твоя судьба, – холодно бросил нид Энтан. – Ты хороший боец, ти-Риэл, и твои раны не настолько существенны.

Илуор быстро справился с омовением, с благодарностью принял простые штаны и рубаху и с не меньшей благодарностью воспринял миску с вареной олениной. Он не собирался разделять трапезу со своим бывшим бойцом – оборотень не был готов встать на путь примирения. По меньшей мере сейчас. Потому, быстро разделавшись с мясом, он перешел в просторную светлую комнату. Два дверных проема на противоположных стенах, колдовское освещение, небольшой стол и два стула. На столе расположился глиняный кувшин с родниковой водой и такие же глиняные кружки. Все традиции «переговоров-после-боя» соблюдены идеально.

«Я желал ему смерти, – отстраненно подумал Илуор, – но волчья история знает выход получше».

– Ты нарушил мой приказ, ти-Риэл, – с напускным спокойствием произнес Илуор.

Ти-Риэл прошел от противоположной двери к столу и склонил голову:

– Я руководствовался своим пониманием твоей выгоды.

– Ты оборотень, не человек. Не прячься за словами. Ты позволил себе решать за меня, – холодно произнес Илуор.

– Она презирает нашу расу, – сверкнул глазами ти-Риэл, – она вела себя недопустимо и слишком сильно подчеркивала свою недоступность.

Илуор сел, и ти-Риэл последовал его примеру.

– А разве человеческие женщины должны быть доступны? Соглашение создано для критических ситуаций, не для развлечения.

– Ты звал ее, – боец-изгнанник опустил голову, – ночь с обычной шлюхой не утихомирила бы тебя.

– Но вернула бы мне ясность ума.

– Ты бы не прошел Круг Испытаний!

– Смысл Круга Испытаний в том, чтобы отсеять слабого, – криво усмехнулся нид Энтан. – Ты не имел права решать за меня и за нее. У оборотней будут большие проблемы. Они уже есть – какой-то шехсварр согласил королеву. История о бедной несчастной невинной травнице, жестоко попользованной гнусным оборотнем, будет греметь по всей Империи. Из девчонки сделают флаг сопротивления Соглашению, она станет вдохновением для магов и магесс, и в итоге мы поймем разрыв отношений с людьми.

– Они нам не нужны, – вскинулся ти-Риэл.

– Именно поэтому ты боец, а не лидер. Тебе не нужен хлеб? Одежда? Артефакты? Серый Дол слишком мал, чтобы обеспечить нас всем необходимым.

– Люди готовы убивать за наши артефакты, – осмелился возразить ти-Риэл.

– За наше оружие, за штучные коллекционные клинки, – усмехнулся Илуор. – А вот привычная тебе штамповка – чисто человеческого производства. Дешевые осветительные шары, подвески, нагревающие воду, – тебе напомнить, что среди волчиц нет колдуний? Империя не начнет войну с нами, но сможет разорвать Соглашение.

– И все это лишь потому, что я подложил под тебя травницу?

– Стремление к свободе, – припомнил Илуор Отца-Ворона. – Травница может стать символом для простых людей. Но, что хуже, она ждет от меня ребенка. Ребенка, к которому отправились охранители. Будет грустно, если столь важный ребенок с молоком матери выпитает ненависть к оборотням.

– Значит, я изгнан из-за того, что человеческая самка понесла и, по стечению обстоятельств, ее ребенок будет особенным? – полыхнул взглядом ти-Риэл.

– Нет, ты изгнан потому, что не способен подчиняться приказам своего командира. Тебе было приказано купить женщину и привести ее мне. Ты принял иное решение, и теперь ты свободный боец.

– Которому не светит найти достойную команду.

– И чья в этом вина? – Илуор встал. – Ты будешь сопровождать меня в Ондиниум. Не как товарищ, а как наемный боец. У тебя восемь часов на регенерацию и сборы.

Свободный дом Илуор покидал со смешанным чувством. Он был в ярости на своего друга, он был в бешенстве на себя, и он даже не представлял, что скажет той забавной травнице.

«Привет, ты ждешь ребенка, а я его отец», – мысленно произнес оборотень и перевернулся: звучало отвратительно.

Арфель Льефф

– Ты помнишь, что сегодня придет целитель?

Каэль не страдала чрезмерной любовью к церемониалу, а потому в комнату подруги ввалилась без стука. И застала странноватую картину: Арфель, закинув ноги на постель, лежала на полу и задумчиво ощупывала живот. Глаза ее были закрыты, и потому вторжение госпожи Хемм прошло незамеченным.

– У тебя странное лицо, – хмыкнула Каэль и закрыла дверь. – Не боишься простудиться?

– А может, я не беременна? – не открывая глаз, спросила Арфель. – Ты можешь бросить диагностирующее заклятье?

– Хоть десять, – фыркнула подруга и села на постель. – Но смысла в этом не будет, я же не целитель. Рваную рану или внутреннее кровотечение – это я увижу. А вот такие хитро-сплетенные материи, вроде беременности или банального несварения, – это не ко мне. Это не помогает магам-практикам.

– Ясно.

– Ты не доверяешь мастеру Дэррику?

Госпожа Льефф со вздохом открыла глаза и честно сказала:

– Я слишком доверяю себе. Я ищу в себе ложные воспоминания и не нахожу. И начинаю думать, что, может быть, целитель ошибся?

– А твои дни?

– Да, это работает на целителя. – Арфель вновь закрыла глаза и продолжила поглаживать живот.

– Что ты делаешь? Это меня пугает, а страх меня бесит. Итого, ты гладишь пузо, а я бешусь. Прекрати.

Но госпожа Льефф и не думала останавливаться:

– Я просто пытаюсь почувствовать то «особенное» состояние. Ну, бабочки в животе или приступ любви ко всему миру.

– Если я не ошибаюсь, то «особенное» состояние посещает беременных по утрам. Ну знаешь, как будто сильное похмелье, тебя тошнит, но, вопреки ситуации с похмельем, после освобождения от излишков еды легче не становится, – со смешком проворчала Каэль.

– Значит, ты встречала неправильных беременных, – тихо сказала Арфель. – Я всегда считала, что если у меня будет ребенок, то он будет долгожданный и любимый, от родного и близкого человека. Я всего лишь пытаюсь почувствовать его до того, как вспомню его отца. Ладно, неважно. Надо переодеться. Не встречать же целителя в рубашке и штанах.

– Скорее всего, ему нужно будет коснуться твоего живота, так что есть смысл просто сменить штаны на юбку.

Арфель кивнула и неловко поднялась. Она вспомнила все, что когда-либо слышала о правилах поведения для беременных. В том числе и правило не напрягать живот. Госпожа Льефф собиралась быть образцовой беременной. Ведь если она не сможет полюбить неждан-

ного ребенка, если она не сможет стать ему хорошей матерью... Пусть он хотя бы родится здоровым.

– У тебя грустные брови, – задумчиво протянула Каэль и встрепенулась, – кто-то прошел сквозь калитку.

– Сквозь? – скептически уточнила Арфель.

– Не придирайся к словам. Иначе мы поговорим о каллиграфии.

Госпожа Хемм выскользнула из комнаты, оставив подругу переодеваться. Вытащив из шкафа простую юбку, Арфель бросила взгляд в зеркало. Но, вопреки словам Каэль, там отразилась самая обычная травница, с самыми обычными бровями.

– Придумает же, – вздохнула Арфель.

Через пару минут, спускаясь по лестнице, она вдруг поняла, что для визита целителя внизу слишком шумно. Подхватив юбку, госпожа Льефф ускорила и, прежде чем выскакать навстречу неожиданной опасности, осторожно выглянула в зал.

– А я говорю тебе, что ты моя жена! И ты обязана жить со мной под одной крышей! Я спалю этот провонявший сеном домишко, – орал высокий светловолосый мужчина.

– И после этого, радостно повизгивая, отправишься на границу, – холодно процедила Каэль. – Будешь демонов гонять. Или они тебя. Закон прост: послушание жены – дело мужа. Можешь заставить? Молодец, красавец и глава семьи.

– Скоро все изменится, – зло бросил господин Хемм. – Скоро все изменится, и в этом будет только твоя вина.

– Что-то мне подсказывает, что твой любящий супруг связался с господином Трентом-младшим, – хмыкнула Арфель и подошла к подруге. – Доброго дня.

Господин Хемм немного смутился. Он отчего-то всегда робел в присутствии Арфель.

– Доброго. Вы оказываете нашей семье плохую услугу, госпожа Льефф. Жена должна жить с мужем.

– А муж должен избивать жену?

– Если есть вина, то должно быть и наказание. Отчего-то Империя не прощает воров и убийц, – снисходительно произнес господин Хемм.

– Позвольте уточнить, под виной вы имеете в виду плотские отношения с оборотнями? То есть сначала женщина оплачивает спокойный и безопасный сон своего мужчины, который не хочет сам сражаться с демонами, а потом он же наказывает женщину за то, что она изменить не в силах?

– Господь заповедовал нам жить в добродетели, – наставительно заметил господин Хемм. – Известно, что оборотням не так часто требуется Соглашение. Но человеческие женщины искушают их, отчего рушатся семьи и страдают рожденные в браке дети.

– Подите прочь из моего дома, – устало выдохнула Арфель. – Иначе я буду вынуждена позвать стражу.

– Стража не вмешается в наш конфликт.

– Вы не имеете права находиться в доме незамужней девушки, – строго произнесла госпожа Льефф. – И мое требование удалить вас будет законным и неоспоримым – это мой дом, и вы не были в него приглашены.

Он только усмехнулся, сверкнул серыми глазами и насмешливо бросил:

– Вам не стоило так говорить со мной. Знаете, я восхищен вами. Выбрать пустую чистую жизнь, отказаться от столь многого – и только ради того, чтобы не стать добычей животных из Серого Дола.

Арфель улыбнулась, сделала шаг вперед, как бы ненавязчиво оставляя Каэль позади себя, и нежно-нежно спросила:

– А вы знали, что можно оспорить Соглашение? Что муж имеет право вступить за честь жены? Вы не пробовали пресекать безобразия, а не наказывать за них?

Господин Хемм вскинул брови и удивленно уточнил:

– Она будет крутить хвостом, а я из-за этого драться? Вот уж глупость. Доброго дня, Каэль, госпожа Льефф. У вас была возможность изменить свое будущее. Теперь все будет так, как я решу.

Хлопнула входная дверь, и Каэль, медленно выдохнув, прошептала:

– Что задумал этот гнусный выродок?

– Что бы он ни задумал, нам стоит быть осторожней. Впрочем, надо дать объявление об аренде. Я не могу продать дом, но могу его сдать. Дождемся целителя Дэррика, затем серебряного врачевателя и уедем.

– И всем назовем разные города, – кивнула Каэль. – Идеально. О, опять кто-то пересек нашу границу. Надеюсь, неприятные сюрпризы на сегодня закончены.

С этими словами госпожа Хемм направилась к входной двери. И Арфель бы солгала, скажи она, что яркое трепещущее пламя, спрятанное в кулаке подруги, не успокоило ее. Каэль являлась одним из талантливейших и сильнейших магов-практиков, и то, что ей не позволено получить звезду мастера-боевика... Что ж, в действительности это означает только то, что кто-то среди верховных магов очень глуп. По крайней мере, госпожа Льефф воспринимала эту ситуацию именно так.

– Добрый день, – в зал вошел целитель Дэррик и тут же рассмеялся, – вы решили развоплотить меня, о драгоценнейшая госпожа Хемм?

– Нет, – чуть смутилась та. – Это на всякий случай. У нас с утра был крайне неприятный гость.

– Верно, – вздохнула Арфель.

– Он взволновал вас? – нахмурился целитель. – Я должен немедленно вас осмотреть. Вы ведь и сами понимаете, госпожа Льефф, что ваша ситуация требует особого контроля? У вас нет крепкого здоровья, свойственного неодаренным женщинам. И нет достойного колдовского очага, который мог бы поддержать ваш организм во время беременности.

Арфель сдержанно вздохнула и жестом предложила следовать за ней наверх. Она, безусловно, понимала и знала все то, что только что высказал целитель. Более того, она была почти уверена, что второй беременности в ее жизни не будет – ее сила была столь же жидкой, если можно так выразиться, как у ее матери. А матушка так и не смогла завести детей, хотя и пыталась. Так что мастеру Дэррику не было нужды напоминать ей об осторожности.

Войдя в спальню, госпожа Льефф чуть поморщилась: следовало отвести целителя куда-нибудь в другое место. Или предложить остаться внизу, в конце концов, магии без разницы, какое положение в пространстве занимает исследуемый пациент.

– Приношу свои извинения за беспорядок, – негромко бросила Арфель и поспешно подняла с пола чашку из-под чая и блюдце с остатками печенья.

– Ничего страшного, – улыбнулся целитель. – Ложитесь на покрывало и оголите живот. Вы так внимательно смотрите, госпожа Хемм. Думаете, я способен причинить вред?

– Я не уверена, что вы способны причинить благо, – я ощущаю жар вашего колдовского очага. Вы истощены?

– Крайне тяжелое утро, – признался целитель. – Но на простое исследование меня хватит.

Вопреки опасливому предположению Арфель, он не коснулся ее кожи. Просто подержал над животом горячую руку, хмыкнул и щелкнул пальцами. Над пупком госпожи Льефф появилась крошечная яркая искорка.

– Это ваш ребенок, – с легкой улыбкой произнес целитель. – Ну, не совсем он, конечно. Просто проекция.

– Мне кажется или ваша проекция – двойная? – нахмурилась Каэль.

– Как вы справедливо заметили, я магически истощен, – снисходительно улыбнулся целитель, – магия исходит неравномерно. В любом случае эта проекция не была необходимостью.

Я просто много думал о госпоже Льефф и предположил, что ей тяжело свыкнуться с текущим положением.

– Иными словами, вы догадались, что я никак не могу поверить в это. – Арфель коснулась пальцем звездочки, и та растаяла.

– Я все-таки целитель, – развел руками Дэррик. – А еще я бы не отказался от чая с чем-нибудь сладким.

– Орехи в меду или варенье? – спросила Арфель и одернула рубашку.

– И то, и то, если можно.

На кухне они втроем разместились с некоторым трудом. Арфель усадили в углу, чтобы не дергать постоянно. Рядом сел целитель, а Каэль устроилась с краю – чтобы спокойно накрыть на стол.

– Итак, что касается вашего здоровья. Вы должны быть осторожней, на этом сроке очень легко расстаться с новой жизнью. Но вы, как травница, должны это знать и без меня. Но! Искра вашего ребенка яркая, цветная – значит, он будет одарен. Так что вы должны держать в уме возможный конфликт сил.

– До этого «возможного конфликта» еще как минимум три месяца, – возмутилась Арфель. – Преступно рано переживать из-за такой ерунды.

– Я обязан предупредить, – ответил целитель и сказал Каэль: – Благодарю. М-м-м, земляничный.

Некоторое время на кухне царила умиротворенная тишина. Госпожа Льефф думала о том, как мало ей нужно для веры – крошечная искорка. Искорка, которую легко наколдовать самостоятельно. В смысле, создать иллюзию. Но целитель не стал бы обманывать, а значит, остается только один неясный момент:

– Я все же решила обратиться к серебряному врачу.

Целитель кивнул:

– И это правильно.

– Мне показалось, что вы были против? – нахмурилась Каэль.

Мастер Дэррик вздохнул и отодвинул от себя опустевшее блюдечко из-под варенья:

– Да. Как целитель, я и сейчас против: негативные воспоминания могут причинить вред здоровью госпожи Льефф. Но это слишком щекотливая, слишком опасная ситуация, чтобы пускать все на самотек. Слишком много преступлений может быть скрыто подобным бесчестным образом. Но я прошу вас, госпожа Льефф, подумать об изъятии эмоций.

– Я не понимаю, – честно сказала Арфель.

– Серебряный сможет первым увидеть ваши воспоминания, и если он сочтет их чрезмерно травмирующими, то...

– То есть мало того, что меня поймали, так кто-то на это еще и посмотрит?! – поперхнулась Арфель. – Ни за что! Я не даю своего согласия на просмотр моих воспоминаний. Нет.

– Немыслимо предлагать подобное, – согласно кивнула Каэль. – И бессмысленно, потому что придется удалять эмоции не только от факта насилия, но еще и от факта наблюдения.

– А потом от воспоминаний о процессе, – кивнула Арфель. – Это глупо и бессмысленно. Но я буду рада, если вы будете рядом, чтобы не дать мне потерять ребенка.

– Вы отдаете себе отчет, что он, вероятно, зачат в крайне неприятной ситуации? – осторожно спросил целитель.

– Да, – спокойно сказала Арфель. – Отдаю. Но сколько там от того негодяя? Мое тело выносит ребенка, моя кровь будет его питать, моя слабая сила поможет ему развить свой очаг. Так сколько же в ребенке будет от отца?

Помолчав, госпожа Льефф честно добавила:

– Если воспоминания будут особенно омерзительны, я попрошу врача просто удалить их. Оставить имя, и все. Мне будет достаточно знать имя негодяя.

– Разумно, – похвалила подругу Каэль. – Зная имя, мы рано или поздно вернемся к вопросу мести.

– А как же закон? – удивился целитель.

– Мы не попадемся, – уверенно отмахнулась Каэль.

– Я имел в виду, что он будет наказан за свой поступок.

Но Арфель покачала головой, пододвинула к целителю мед и честно сказала:

– Я не буду выдвигать обвинений. В моих планах покинуть Ондиниум и устроить свою жизнь там, где я смогу рассказать душещипательную историю о погибшем муже. Мне плевать, кто и что скажет обо мне, но когда ребенок подрастет...

– Люди жестоки, – вздохнула Каэль. – Это была моя идея – уехать отсюда. Тем более что нам начали угрожать.

– Угрожать? – напрягся мастер Дэррик.

– Это не то, что вы можете изменить, – грустно улыбнулась Арфель.

– В любом случае вам стоит собрать вещи, – ответил ей Дэррик.

Каэль подозрительно сощурилась и сложила на груди руки:

– С чего бы нам это делать?

– С того, что я забираю госпожу Льефф в свой дом. Услуги серебряного врача дороги, но есть способ существенно сэкономить. Если мы докажем, что его вмешательство необходимо и несет пользу Империи, вам не придется платить.

– А оно несет? Вы не пострадаете из-за этого? – спросила Арфель.

– Ваша аура несет отпечаток изменения памяти. Такого еще не происходило, госпожа Льефф, – строго напомнил целитель. – Это определенно очень ценная информация.

– Что ж, нам потребуется минут сорок, – сориентировалась Каэль.

Но на деле они уложились в полчаса. Закрывая лавку, Арфель вдруг подумала о том, что ей придется продать свои травы. За бесценно, ведь у них не будет времени на долгий и обстоятельный торг.

Илуор нид Энтан

От Серого Дола до Ондиниума не один путь. Если быть точным, то существует три дороги: торговый тракт, по которому идут подводы с товарами, волчья тропа, по которой носятся оборотни в волчьем облике, и последний, третий путь – это натопанная конная дорога. Чтобы имперские гонцы могли быстро доставить почту.

Илуор выбрал третий путь только ради того, чтобы не встретить никого из сородичей. Он был уверен, что оставляет позади себя огромный скандал. Нет, Отец-Ворон обещал объяснить произошедшее семье рид Аверрим, но разве простых слов достаточно? Рожденные от людей полукровки зачастую превосходят силой своих чистокровных товарищей. Ребенок травницы при любых раскладах родится раньше, чем он и леди рид Аверрим заведут собственных детей. А значит, у полукровки будет больше прав на Рогатую Корону. И только если строптивый венец не примет волчонка, только в этом случае его второй сын сможет попробовать надеть его.

Оборотень не мог понять, что он сам чувствует по этому поводу. По большому счету, ему было все равно, кто сменит его – полукровка или чистокровный оборотень. Ребенок ли травницы станет его преемником или любой другой оборотень. Рогатая Корона избирала достойнейших из достойных, и нид Энтан считал это единственно верным подходом. Но вместе с тем он точно знал, что Ксан рид Авердин, отвергнутый короной, стал настоящим позором для собственной семьи. И это при том, что сам по себе он был достойным оборотнем и хорошим бойцом. Беда была лишь в том, что Ксан предпочитал подчиняться. Не абы кому и не во всех вопросах, но он так и не стал командиром собственного отряда. Самый надежный второй номер в группе – Илуор был бы счастлив переманить его к себе. И, когда вся истерия с выбором

нового лунного князя утихнет, он сделает все, чтобы рид Авердин надежно закрепился за его правым плечом.

«У меня уже был слишком инициативный второй номер, – подумал Илуор и скосил взгляд на ти-Риэла, – что не принесло ничего хорошего».

Пегий волк будто почувствовал, что командир размышляет о нем, – он чуть сбавил темп и вжал голову в плечи. Из-за чего его сумка едва не свалилась.

Илуор остановился и подождал, пока его спутник не справится с сумкой, а накинуть ремень обратно на шею, используя только морду и лапы, – очень тяжело. Именно поэтому сам нид Энтан никогда не позволял себе забыть о поклаже. А то так недолго и припасы на землю вывалить, и приличную одежду изорвать и испачкать.

Дорога получилась недолгой – все же ти-Риэл был достаточно силен, чтобы поддерживать тот темп, что задал Илуор. Оборотни неслись сквозь лес и остановились только на берегу озера. Не стоило врываться в город в зверином облике. Хотя, благодаря Соглашению, они имели на это право.

Илуор первым превратился в человека. Из одежды на нем были только темные штаны из грубой материи. На Риэле не было и того – уж больно дорогой была напитанная магией одежда. К великому сожалению, редко кто из оборотней выбирал стезю портного. Раньше одежду для оборота ткали волчицы, но когда магия иссякла в их жилах... Мужчины не захотели подхватить иглу, выпавшую из женских пальцев.

– Отдохнем здесь, – скупно бросил Илуор, – и пойдем дальше.

– На двух ногах?

– Да. Часа в четыре уложимся.

Отослав ти-Риэла за хворостом, Илуор выдернул из воды несколько крупных рыб. Из своего мешка он достал соль и специи. Жаренная на костре рыба никогда не была любимым блюдом нид Энтана, но вместе с тем волк понимал, что это самый простой и быстрый способ насытиться. Правда, это не слишком его утешало.

– Остановимся в «Белом Гусе», – бросил он, когда услышал треск ветки под ногами Риэла.

– Да, лорд нид Энтан.

Ти-Риэл нашел прежнее кострище, оградил его камнями и ловко развел огонь. За большим валуном прятались выкованные из не особенно качественного железа рогатки и несколько длинных острых спиц. Все это здесь оставили оборотни, чтобы была возможность быстро поесть перед городом. Все же бег во второй ипостаси ужасно изматывает, и без простой сытной пищи добраться до Ондиниума почти невозможно.

Насадив рыбу на спицы, ти-Риэл со второй попытки скастовал простое кулинарное заклятье. Оно не позволит еде обуглиться и одновременно гарантирует, что не останется сырых мест.

– Лорд нид Энтан, – негромко произнес ти-Риэл, – я хотел бы искупить свою вину. Отказаться от платы за сопровождение вас до дома госпожи Арфель. И...

– Если ты желаешь вернуть свое место в моем отряде – нет, – спокойно произнес Илуор. – Ты перерос свой ранг, ти-Риэл. Но при этом ты еще и не смог это вовремя заметить, из-за чего пострадал твой командир, невинная человеческая девушка и вся семья рид Аверрим.

– Рид Аверрим?

– Сейчас Отец-Ворон рассказывает леди рид Аверрим, что первым претендентом на примерку Рогатой Короны будет не ее сын, а ребенок человеческой женщины. Как ты думаешь, леди сильно обрадована? А уж как счастлив ее отец.

– А вы?

– Корона изберет лишь достойного, – пожал плечами оборотень. – Она может отвергнуть меня, ти-Риэл. Помни об этом. И тогда Круг Испытаний будет запущен снова. И снова, и снова, и так до тех пор, пока не найдется лунный князь.

– Семья рид Авердин приняла решение отправиться в добровольное изгнание. Об этом еще не объявили, но я ухаживал за волчицей из Авердинов, она-то мне и сказала. Кажется, они тяжело восприняли уход Рогатой короны из их семьи.

– Что странно, – рассудительно заметил Илуор нид Энтан. – Лунный князь – это не просто правитель, он должен быть связующим звеном между всеми кланами оборотней. Если мы скатимся до прежней вражды – не выживем.

Ти-Риэл криво улыбнулся и отвел глаза. Оборотень больше понимал рид Авердинов, чем своего бывшего командира. Три поколения подряд Авердины носили Рогатую Корону. Три поколения подряд именно из этого клана выходили лунные князья. Конечно, они желают удалиться в добровольное изгнание – потерять такой статус.

Тут ти-Риэл вспомнил о своем плачевном статусе и тоскливо поежился. Ему стоило поговорить с командиром еще в столице, еще тогда, когда он впервые ощутил настоятельную потребность поступить наперекор приказу. Но он не решился. Теперь у него нет ни товарищей, ни хоть заухудаленького шанса на сбор собственного отряда.

К вечеру оборотни были уже в городе. В «Белом Гусе» всегда были сводные комнаты – трактир был дороговат для Ондиниума и держался на плаву только из-за постоянно курсирующих туда-сюда оборотней.

– Желаете поздний ужин? – подобострастно спросил трактирщик, едва только оборотни перешагнули порог.

– Порцию жареной свинины с запеченным картофелем, мясной пирог, кувшин кваса, – отрывисто бросил нид Энтан. – Мне в комнату подай горячую воду, хочу отмыться с дороги.

– Приготовление пищи займет около часа, – ответил трактирщик, – подать воду до или после?

– Сейчас.

– Трайна, проводи гостя наверх, – крикнул трактирщик и повернулся к ти-Риэлу: – Желаете поздний ужин?

Трайна, высокая и крутобедрая женщина, открыто улыбнулась оборотню и поманила его за собой. Идуор подивился такому отношению – все же люди, как правило, не были столь доброжелательны.

– Это же вы нашей травнице медальон охранный подарили? – спросила Трайна, едва только они вышли из общего зала на лестницу.

– Да, – односложно ответил оборотень.

Его охватила короткая паника – будет оч-чень «весело», если девица собралась замуж.

– От и славно, от и здорово. Она у нас добрая, всем помочь норовит. Так и перегорит однажды, и что мы будет делать без ее снадобий? Она, конечно, не целитель, но знает-то столько же! К травнице сходить – это не просто лекарство в аптеке купить, господин оборотень. А теперь, с вашим-то медальоном, может, и появится у нее за спиной надежная опора! От, значит, выбирайте из двух комнат.

Илуор чутко повел носом и махнул в сторону той, откуда шел еле уловимый аромат лесных трав.

– А что, медальон госпоже Арфель вручили в торжественной манере? Я приказал своему помощнику сделать это незаметно, чтобы она не чувствовала себя обязанной, – мимоходом спросил Илуор.

– Да ну что вы, нет. Госпожа его потеряла, видимо. А мелкий пацан нашел и хотел отцу снести, а мы-то и заметили. Заставили провести дознание – ну как, заклятье такое, знаете? Чтобы показывало: есть у вещи хозяин. Вот. Оказалось, что хозяйка наша травница, мы отца того мальчишки обязали вещь вернуть. Пацан-то кричал, что в мусоре нашел. Да только кто ж

ему поверит-то? Вот, тут ваша бочка, сейчас Трим воды нанесет, а амулет – вот он, на полке. Умеете пользоваться?

– Умею, – усмехнулся оборотень. – Спасибо за помощь, госпожа Трайна.

– Ой, не за что, хорошему господину чего не помочь? Отдыхайте.

Трайна вышла, а Илуор медленно опустился на постель. Ее жизнерадостное дружелюбие покорило оборотня. Он не был хорошим, и он это знал. Он нарушил закон, нарушил Соглашение, испортил девчонке жизнь и прибыл в Ондиниум, чтобы сделать хуже. Волк не был дураком и понимал, что травнице в Сером Доле придется нелегко. Если бы он не был будущим лунным князем, он бы солгал. Он увез бы подальше и солгал. «Я не нашел женщину и готов понести любое наказание», – такие простые, такие понятные слова.

Но он тот, кто он есть, Илуор нид Энтан, оборотень, будущий лунный князь. И он понимает, что если охранители действительно ожили ради человеческой травницы и если она действительно родит одаренную жрицу, то она любой ценой должна оказаться в Сером Доле. Любой. Обман, шантаж, насилие – ему придется пойти поперек себя, если того потребуют обстоятельства. Лунный князь думает о Сером Доле, а не о себе и своих желаниях. Лунный князь живет и существует ради того, чтобы его народ процветал, а не ради того, чтобы процветал он сам. Лунный князь, на самом-то деле, самый несчастный и бесправный оборотень в Сером Доле. Но такие мысли Илуор давил в себе на корню. Ведь пройдет всего пара недель, и у него будет исключительное право разгрести последствия долгого безвластия, последствия глупости одного из сородичей (согласить королеву – уму непостижимо!) и разгрести последствия собственной дурачности. В общем, он будет очень и очень занят. И непередаваемо счастлив, ведь носить Рогатую Корону мечтают очень многие. И, что странно, эта самая корона крайне редко выбирает тех, кто ее желает. Чаще всего она оказывается на головах тех, кто этого не хотел. Станный, странный венец.

После горячей ванны Илуор приказал подать ему ужин наверх. Ему не хотелось наблюдать ти-Риэла за своим столом и удивлять трактирщика зрелищем, как прибывшие вместе оборотни разошлись по разным углам зала.

Поступок ти-Риэла повлек за собой последствия для всех. Его можно понять: инстинкт требовал поступить наперекор, требовал обозначить свою власть. Если бы боец оповестил об этом своего командира заранее – многих проблем удалось бы избежать. Но, очевидно, ти-Риэл повзрослел не полностью или же он рассчитывал оставаться вторым до самой коронации. Тогда бы отряд перешел к нему без боя. Но это какой-то слишком человеческий поступок.

Составив на поднос остатки трапезы, он вынес все в коридор и поставил на пол. Кто-нибудь из работников заберет. Вернувшись в комнату, он случайно бросил взгляд за окно и замер. Нет, там не было ничего интересного. Просто, увидев панораму, он с кристальной четкостью осознал, что брал эту же комнату в свой последний визит. Именно в этой комнате он был с травницей. Может быть, это ее травяной аромат дразнит ноздри?

– Глупости, – рыкнул он сам на себе.

Но как же восхитительно было бы взять за себя ту, чей запах будоражит кровь. Когда-то давно, до того как оборотни начали вырождаться, они в первую очередь прислушивались к пению крови. Если партнер или партнерша заставляли кровь откликнуться – не было ни единой причины для отказа от брака.

– Это и привело к вырождению, – напомнил он себе. – Это и привело нас к Серому Долу и тотемному дереву.

Утро не принесло Илуору облегчения – всю ночь его мучили смутные, полные страсти и огня сны. Словно наяву он видел молочно-белую кожу, сладкую, пахнущую цветами. Видел темные следы, что остаются после его поцелуев. Слышал смущенное, полное удовольствия дыхание. Она была с ним по своей воле? Невозможно. Определенно невозможно.

Полка, прибитая у окна, стала жертвой его внезапной вспышки ярости. Будь проклят гон, после которого не остается ни единого проблеска воспоминаний. Такое глубокое падение, такое беспрецедентное потакание собственным животным инстинктам... Илуор сомневался, достоин ли он Рогатой Короны. Он, не удержавшийся в рамках собственного разума. Он, ставший зверем в человеческом обличье.

На губах появился фантомный привкус крови. Мог ли он действительно прокусить ее кожу? Мог ли он причинить ей реальный вред?

– Нет, – холодно и четко произнес он. – Она ушла отсюда сама. В отряде нет целителя, способного срастить укусы собрата-оборотня.

Легче не стало. Илуор поймал взглядом собственное отражение и остановился. Глядя своему отражению в глаза, он нашел силы признать:

– Это было насилие.

Всё это время он малодушно отрицал это. Как отрицал и собственную вину – вину, которую он перекладывал на ти-Риэла. Но правильным было согласиться с тем, что нашептывало подсознание: он не имел права так распускать себя. Не на человеческих землях. Не с теми, кто не сможет понять и принять. Не рядом с той, которая не способна остановить его. Могла ли травница сказать ему нет? Нет. Могла ли волчица сказать нет впадшему в раж оборотню? Тоже нет. Зато оборотница могла обратиться во вторую ипостась и порвать охамевшего самца. Оборотень во время гона лишен возможности превращения, что делает жизнь волчиц куда более безопасной.

Эти мысли не добавляли Илуору хорошего настроения. Как и то, что он все равно будет вынужден привезти травницу в Серый Дол.

– Единственное, что я могу сделать, – задумчиво произнес он, – это убедиться, что охранители и правда рядом с ней. Если нет... Что ж, если нет, то я не вижу смысла в ее присутствии в Сером Доле. Хотя поговорить нам все равно придется.

В общем зале трактира оказалось людно, и Илуору пришлось завтракать за одним столом с ти-Риэлом.

– Вы не выглядите отдохнувшим, – осторожно произнес боец-изгнанник.

– Ситуация не располагает к крепкому сну, – коротко бросил Илуор.

Быстро расправившись с едой, оборотни расплатились и покинули таверну. Они оба знали, куда нужно идти, так что для разговора не находилось ни единой причины.

– Возможно, я должен поговорить с ней? – тихо спросил ти-Риэл.

– Возможно, – согласился Илуор. – Но этого не будет.

– Я хочу искупить свою вину, – еще тише, но так же уверенно ответил оборотень.

– У тебя нет моего доверия, – не глядя на него, сказал нид Энтан. – Я не убил тебя на арене, не заставляй меня жалеть об этом. Традиции Серого Дола не предполагают возврата к проблеме, которая уже была решена посредством поединка.

– Но она не решена.

– Только потому, что ты упорствуешь, не желая признавать своей вины. Такое отрицание может сослужить тебе плохую службу в будущем. Вся твоя суть стремится к тому, чтобы встать во главе отряда. Или даже во главе семьи. Кем ты будешь, если начинаешь с отрицания собственных ошибок?

Илуору тяжело давался настолько спокойный и почти доброжелательный тон. Больше всего ему хотелось вцепиться в глотку своего бывшего надежного второго. Своего бывшего друга. Друга, который умудрился предать его настолько заковыристым способом. Он хотел голой рукой выдрать ти-Риэлу кадык и прохрипеть в мутнеющие глаза: «Ты сделал меня насильником, шехсварр».

Но его вины в случившемся было ненамного меньше. И он не имел права убивать предателя за то, за что уже не убил на арене.

– Странный знак.– Ти-Риэл первым заметил висящий на калитке плакат.

– Аренда, – опознал знак Илуор. – Твою мать, аренда. Куда она подевалась?!

Они легко вскрыли слабое запирающее проклятье и быстро прошли к дому. На входной двери защита была чуть сложнее, но им все равно удалось с легкостью ее преодолеть.

– Здесь уже два дня никого нет, – констатировал Илуор.

– Все травы исчезли, – ти-Риэл огляделся, – определенно исчезли. Все полки были заполнены.

Они поднялись по лестнице и обнаружили пустые комнаты. Вывезено было абсолютно все.

– Полагаю, память к ней вернулась, – задумчиво произнес Илуор. – Серый Дол ждет большой скандал. Изнасилование невинной девушки... Я должен буду вернуться и отречься от Рогатой Короны до того, как мне позволят ее надеть. Лунный князь не может...

– Это не было насилием, – вскинулся ти-Риэл. – Вы определенно сделали ей хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.